

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Ф22

Фильковский А.Е.

Ф22 Мы шли сквозь снега!: Автобиографическое повествование. — Иркутск: Сибирская книга (Иркутск: ИП Лаптев А.К.), 2014 г. — 100 с.

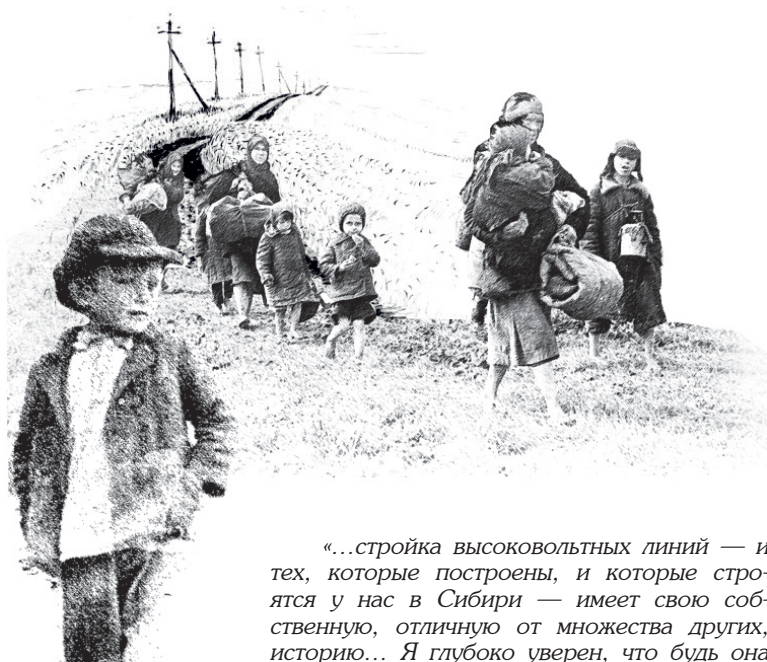
Эта книга создана на основе рукописи Анатолия Емельяновича Фильковского — человека, строившего линии ЛЭП с 1955 по 2006 год. Полвека непрерывной трудовой деятельности в сложнейших условиях Сибири и крайнего севера! Автор просто и без прикрас рассказывает свою судьбу, в которой, как в капле воды, отразилась судьба целого поколения советских людей, отдававших все свои силы ради восстановления народного хозяйства и приближения того самого светлого будущего, ради которого было принесено столько жертв. Рекомендуются читателям всех возрастов.

ISBN 978-5-91871-024-2

© Фильковский А.Е., 2014
© Гордиевских Г.Г., оформление, 2014
© Сибирская книга, 2014

Эта книга создана на основе рукописи Анатолия Емельяновича Фильковского, человека, энергетика, строившего линии ЛЭП с 1955 по 2006 год.

Часть 1. *Моя жизнь*

«...стройка высоковольтных линий — и тех, которые построены, и которые строятся у нас в Сибири — имеет свою собственную, отличную от множества других, историю... Я глубоко уверен, что будь она написана, эта история, не нашлось бы ни одного человека, который читал бы ее без волнения.»

Александр Романов,
«Советская молодежь» 1962 г.

Анатолий Фильковский

**Мы шли
сквозь снега!**

Родился, я как в метриках написано, в 1931 году, 20 мая, в Казахстане, в городе Алма-Ате. Моя мама была сослана с Востока на поселение в Казахстан из приграничного района Спасск-Дальний после революции за разговорчивый язык. Там и вышла замуж и родила нас четверых. Сейчас все умершие, остался я один. Росли без отца и образования. Папу поездом зарезало в 1936 году: он работал на железной дороге. Похоронен в северном Казахстане, в городе Петропавловске.

После похорон мама работала на железной дороге стрелочником. Потом уволилась и решила ехать к своим родителям в родную деревню — село Прохоры. Там жили ее отец, два брата и сестра. Но нужно было, чтобы власти дали разрешение на выезд из Казахстана к родным.

Привезла. Приехали к ее сестре, стали жить во дворе, в зимовье. А у тетки хороший дом, железом крытый, карнизы резные. Двор большой, сарай крытый. Под навесом на жердях вяленый виноград, для нас — лакомство. У тетки из хозяйства осталась одна корова, остальное было конфисковано.

Как увозили из деревни на станцию: подъехали, конь был запряжен в сани (это было зимой). На сани погрузили большой сундук и еще постель, и кое-какие вещи. Попрощались, поцеловались. Дочки тетки Ульяны что-то говорили между собой, как говорила моя мама, они разговаривают по-французски. По сколько им лет было, не знаю, но они были уже взрослые. И куда их увезли и где поселили, мама не знала. Говорила: «Где-то в Сибири».

После, следом за ними, вывезли маминого брата — дядю Ваню. Их поселили в Красноярском крае. У дяди Вани было пять детишек. Он был старше моей мамы. А там, в деревне, остался и жил до старости мамин отец, мой дедушка.

Он прожил до 97 лет, у него был хороший большой дом. После коллективизации он сдал все в колхоз, не дожидаясь раскулачивания, добровольно. И в его доме организовали начальную школу из четырех классов и поселковый сельский совет. Маленькую комнату оставили деду, в ней он жил до самой смерти. Комната выходила отдельными дверями на хоз-двор и большой фруктовый сад. В саду

были яблони, груши, сливы, виноград. Среди этих деревьев стояли колоды с ульями. И бочки у дедушки стояли с медом, он его отдавал бесплатно в детдом.

Детдом был за селом. Там было много детей, у которых родителей в тюрьму посадили после раскулачивания. Детский дом от села был за болотом, отдельно на сопке. Нас ребятишек пугали: не ходите купаться на болото. У болота был небольшой ручей и выкопан котлован, и ходили туда купаться только взрослые. И мы, пацанята за ними ходили. А так, малышам не разрешали.

Мой дедушка Антон сдавал в детдомовское хозяйство и мед, и фрукты — все, что у него было. А дядя Петя, мамин брат, помогал ему. Дядю Петю не выслали и не раскулачили. Наверное, у него не было богатства. Да и языком он не болтал против советской власти, как моя мама, которую еще в девках сослали в Казахстан.

Маминых двух братьев расстреляли как врагов народа. Один работал инженером, когда строили железную дорогу с Востока навстречу с сибирской, и его объявили врагом советской власти. Второго расстреляли, якобы, за связь с белогвардейцами. А мама не могла сдержаться и болтнула на советскую власть, и ее отправили в Казахстан. И там долго не давали на одном месте жить и работать. Потом она вышла замуж за моего папку. Он работал на железной дороге кондуктором на товарных поездах, вместе с мамой ездили по городам Азии. Я родился в Алма-Ате, сестра — в Ташкенте, братишка — в Чемкенте, Женя, брат последний, — в Петропавловске (северный Казахстан). С детства много нас возили, на одном месте мы долго не жили. А почему? Как мама говорила, чтобы на месте не приживались и не болтали, что хорошо и что плохо.

И вот я остался безграмотный, как пошел в школу, в первый класс, и в трех школах в разных городах, все переезды. Так и было до школы. Помню, город Тилькубас в Казахстане. Где-то за городом, как в нахаловке жили. Жилье было построено из ломаного камня. Лишь бы были стены, а потолок и крыша — все заодно, на одной плоскости глиной замазано. А окно для света без рамы, просто стекло вмазано в стену. Это дома так назывались — мазанки, они стояли прилепленные одна к одной, как сейчас, общественные

гаражи. И вот вдоль этого жилия была роща тутовых деревьев. С этих деревьев собирали лист и кормили тутовых червей. Куколки этих червей после поедания этого листа через какое-то время вырастали и превращались в шелковую нитку. А чтобы вырастить таких червей, нужны чистота и свежий воздух в помещении или в квартире. И мы так жили, у нас тоже была такая мазанка, только мама не выращивала этих шелкопрядов.

А у казахов была такая работа. Они считались как колхозники. Да и на вид они были, как казалось, неопрятные. Женщины ходили в парандже, лицо было закрыто сеткой, а украшения были на женщинах, не то, что золото, а монетки, дырки пробиты и на нитку насажены. А нам, пацанам, было интересно на ихний базар бегать смотреть, что они не по-русски одеты. А мужики летом одеты в шубы, и на голове шапка овчинная, да еще с напуском на спину. Шуба подпоясана, на поясе кинжал. Нам пацанам казалось, они такие суровые. Мужики на рынок приезжали на ишаках. На ишаке по бокам через спину висели две корзины: яблоки, урюк да всякие фрукты. Базар большой, а нам, интересно было смотреть на это все, особенно смотреть на маленьких ишачат. Они такие спокойные, охота нам погладить их, а на улице жарко, они такие размоленные стоят, головы повесили. Такие большие корзины с фруктами — продадут или нет? На базаре этого полно.

А пацаны с большими мальчишками по садам лазили, сливы, виноград украдкой рвали. И нас гоняли из садов. А вот сколько мне лет было, не помню. Пошел по нужде в тутовые кусты, это рядом, где жили. И вот мне по попе щекочет. Смотрю: какой большой червяк висит. Я испугался и штанишки не поднял, бегом домой с ревом: «Мама, у меня червяк!» Пока бежал, потерял его, пошли с мамой искать, а он на дороге вьется, большой, сантиметров двадцать, белый. Мама говорит: «Это глист». Тут все ребяташки сбежались смотреть: «Вот это да!» А мама говорит: «Вот лазите по садам, грязные фрукты едите, у всех такие будут. Кишки проедят и вы умрете». А меня стала поить какой-то травой, и больше червяков не было. А мне, конечно, попало за это, чтобы не ел грязные фрукты и не ходил далеко от дома, где жили.

А недалеко были большие горы скальные, там было очень много змей. Но ребяташки ходили, и я не мог не удержаться, чтобы не пойти с ними в горы. Там такие большие птицы были, которые стреляли своими перьями, как стрелой. Вот и охота посмотреть. И так этих птиц не видели. А земля затряслась, и с горы камни покатались вниз. Вот это увидели, и страшно было и шум под землей. Видно, как камни от скалы валятся и катятся под гору. А некоторые большие летят через овраги, ударятся об скалу, разобьются еще на много частей. А грохот! Мы вниз спустились в долину и смотрели на эту страсть. И после этого опять меня мама наказала. Было всякое, и порку делала, и в угол ставила, чтобы далеко не ходил.

Но все это я забывал. Как удержаться? Пацаны идут купаться на арыки, это так назывались ручьи прорытые, как канава для поливки садов и кустарников. А вода в них была грязная, как с дороги, после дождя сбегала, это в маленьких арыках. А большой канал, на нем стояли затворы, чтобы регулировать, по какой канаве пускать воду для орошения садов и тутовых кустарников, чтобы они всегда были зелеными, чтобы кормить шелкопрядных червей. Так это было, когда жили в Тилькубасе. Это где-то в южном Казахстане. Там я пошел в школу, в первый класс. Папы уже не было, он был похоронен в Петропавловске в 1936 году.

В Петропавловск приехали не то с Кузнецка, не то с Караганды. Ну, наверное, хотели жить в своем доме, начали строить дом, а там лесу не было, пришлось строить из самана. Нужно было делать такой кирпич большой: солома с глиной мешалась в форме, как кирпич, потом на солнце сушилась, после высохшей укладывалась на стену. И вот, прежде чем строить, купили соломы, чтобы делать эти саманы. А мы жили в землянке. Мама днем постель выносила сушить на солнце и раскладывала на солому подушки, перину, и все, что нужно было просушить. А мы пацаны в этой соломе играли. День был солнечный и было жарко и сухо. Папа пришел с работы с ночи, он работал сутками на железной дороге, кондуктором сопровождал вагоны с грузом. Как обычно всегда

приносил нам гостинец, и говорил: «Ну-ка! Возьмите, что там в кармане!» Сам лег спать в землянке. А младший братишка залез в его карман, и вместе с гостинцем из кармана взял спички. И залез в эту солому. В этой соломе был у нас балаган. Стал поджигать спички, и солома загорелась. А на соломе все, что мама положила сушить. Вся солома загорелась, и чуть братишка не сгорел в этой соломе. А мама что схватит с соломы, оно сильнее загорается, перину сдернула, а она уже горит. Перо вверх из наволочки как снег сыплет. И вот так вся постель у нас сгорела, и одежда, которая в соломе лежала. И мы с родителями остались голые, без постели и без одежды в пустой землянке.

Опять купили соломы, и папа с мамой построили саманный дом с плоской крышей, земляной пол, глиной замазанный. Папа возле дома посадил прутьики тополей. И эту зиму мы уже жили в своем доме. Вот только постели не было: спали на соломе. И семья у нас прибавилась: родился братишка Женька.

После пожара стали обживать, тополечки начали зеленеть. Листочки распустились. Веселей стало. Не то, что зимой было: ветер, буран, сугробы большие. В сугробе можно выкопать тоннель, и играй себе в снегу: ветра нет и тихо, и тепло.

Наше детство счастливое на этом и закончилось. Папу на работе поездом зарезало, на куски по путям растащило. Это произошло по неосторожности, как мама говорила. Ей такое заключение дала комиссия. Шел встречный поезд, на встречном тащилась проволока от вагона и сдернула его с тамбура (эти тамбуры были на товарных вагонах).

После похорон маме назначили пенсию. Нас четверо детей: мне шесть лет, Юре четыре года, сестра постарше, а Женьке, самому маленькому — несколько месяцев. И так мама одна с нами и своими слезами. Никого близко из родственников нет. Мы маленькие, обнимет нас и плачет. Надо идти работать. А перед смертью папы купили корову. Мы маленькие, нужно молоко, а такая беда — остались без отца, мама решила продать корову. Поплакала, поплакала и повела продавать на базар, продала корову, пошла домой, вышла с базара, и у нее деньги отобрали. Пришла домой и долго плакала.

И стала она добиваться разрешения уехать на родину к родителям на Восток, в Спаськ-Дальний, откуда была выслана в Казахстан. А чтобы выехать из Казахстана, нужен вызов и разрешение, а его не дают. А на ее Родине в селе живут мамин отец, два брата и сестра, их не раскулачивали. Они безоговорочно все сдали в коллективное хозяйство. И мой дедушка жил на месте в своем доме. Сад большой, пасека, пчелы, в саду много колод стояло. А в его доме была школа до четырех классов, сельсовет и в маленькой комнатухе он жил. Там же жили два брата и сестра. И мама решила: может, все наладится и она с нами поедет. Но вызов не давали.

Тогда мама решила продать дом в Петропавловске и уехать с нами в город Тилькубас, там теплее. Зимы такой, как в Петропавловске, нет. Там уже знакомые есть: русские и казахи. И она там уже работала на железной дороге. И повезла нас в Тилькубас на старое место, где раньше жили, в каменные, так сказать, гаражи. И пошла работать стрелочником на железную дорогу и работала посменно сутками. Нас оставляла под присмотром соседей. Но больше управлялись мы сами. Мне, наверное, лет семь или восемь было, брату — лет пять, сестре — наверное, лет десять, а самому маленькому Женьке — годика полтора. За ним присматривала и нянчила его сестра, она считалась за взрослую, помогала маме. А у мамы работа была недалеко от того места, где мы жили. И она успевала иногда прибежать посмотреть на наше поведение, и чтобы сестра кормила Женьку маленького. Ну, а я был непоседа. Хотя меня часто наказывала и лупила ремнем и в угол ставила. И сама плакала, за что ей такие муки: в девках от родителей сослала с Востока в Казахстан, папку похоронила, осталась с нами, с малышами, а дома, на ее Родине живут ее отец дедушка мой Антон, два брата, сестра. У них тоже дети, хотя живут все со своими семьями, в своих домах. И мама просила и писала письма, чтобы ей помогли, дали вызов, разрешение выехать на Родину к родственникам. Нам говорила, что писала Калинину, чтобы ей все простили и дали разрешение выехать на ее Родину в Спаськ-Дальний, что осталась без мужа, муж погиб на железной дороге во время работы, она получает пенсию на детей, дети маленькие.

И, наконец-то, дали разрешение выехать на Родину. Сколько было радости у мамы! Конечно, и у нас, ведь едем к дедушке Антону, к нашим родным братьям и сестре.

А здесь, в Тикульбасе я пошел учиться в первый класс. Мама меня наряжала, как помню: рубашка, желтая косоворотка, поясок с кисточками. Конечно, я в школе скромненький, послушный, уроки выполнял, как мама учила до школы, чтобы был послушный. Конечно, старание было учиться. А когда заговорили, что скоро поедем на мамину родину, то у меня настроение стало скорее ехать, а учиться стало лень, перестал стараться, стал непоседлив на уроках.

А ученики были разных национальностей: русские, казахи, а еще татары, узбеки. И за партами сидели, кто с кем, вперемежку. И девчонки, кто одет хорошо, чисто, а другие, казахи, например, в халатах. И девчонки по-всякому одевались. Первоклашки, кто во что одет. Наверное, поэтому врачи ходили. У кого вшей находили, у девчонок в косах смотрели, у мальчишек рубашки поднимали на плечи. У кого находили вшей — отправляли в баню. А у казашек и узбечек у всех были косы большие, и что у кого находили в классе — не разглашали. Переписывали весь класс, для учителя делали пометку, чтобы он предупредил родителей. Но в классах не было, чтобы кого-то обижали.

Было много разных детей. У многих не было родителей. Это были дети из детдома. Но они были больше ухожены. У них была одинаковая форма одежды и они были дисциплинированнее нас. Некоторые дети плохо по-русски говорили. Во время перемены встанут к стенке в коридоре и смиренно стоят. Мы, у кого были родители, покупали булочки, белые, вкусные. А им так давали. А вот чая не было.

Были дни, когда нас водила учительница на экскурсию в горы. Там цветов было всяких много. Собирали листики, сушили, в букварь клали и подписывали, как называется это растение. И там были дикие фруктовые растения. А в классе писали не на тетрадке, а на грифельной доске, она была величиной с тетрадный лист. А дома школьные задания по письму выполняли в тетрадях, разлинованных в косую линию, а арифметику — в клеточку.

Писали чернилами, перо 86 (восемьдесят шесть) так называлось. Его вставляли в ручку, макали в чернильницу. Нужно было писать где-то с нажимом, а где-то волоском, чтобы было красиво. Буквы вот такие должны: А Б В — заглавные, а письменные: а б в, цифры: 1 2 3 4. Это было трудно выводить, и при письме нужно было сидеть не сутулиться. И все это учитель замечала и за плечи поправляла, чтобы не кривили спину. А у школьников сумки были всякие. У кого были сделаны из мешка. Тут и тетрадь, и букварь, и еще книга по арифметике и другие, и еще чернильница-непроливашка. А если нальешь ее поплоней: и сумка в чернилах, и учебники. Вот так было в первом классе. Не то, что сейчас: портфель, рюкзак и одежда — куклы, а не дети. То время было отсталым.

А вот помню сколько народа стояло в очереди, чтобы пройти комиссию у врачей в больницу, чтобы попасть на стройку. Интересно было смотреть на тех, кто стоял в очереди: молодые, старые. На улице солнце, жара, а они стоят: шапки шубные, и еще большой напуск от шапки на спину и такие шубные халаты и подпоясаны ремнем, а на ремне в чехле большой нож на две стороны заточен — это кинжал. Те, кто прошел комиссию раньше, уже работали, копали каракумский канал. В газете были фотографии стахановцев, они возили грунт на тачках (это тележка на одном колесе, деревянный ящик с ручками). Машин не было видно в газете, которые бы возили землю, а только видно, что много народа. А люди в очереди стояли с газетами, читали. А на каком языке, нам, пацанам русским, не понять. В этой очереди были разные национальности: казахи, узбеки, киргизы, русские. А мы, если кто газету бросит, подбирали ее, как мусор, и смотрели картинки про канал (это большая канава). И народу — как мурашей! У некоторых рядом стоял ишак или мул (это побольше ишака) — такой верховой транспорт; были и запряженные в арбу (телегу, на которой ездят на рынок, возят фрукты на продажу).

А мы, пацаны да и девчонки с нами русские, которые постарше, старались что-нибудь из фруктов стащить: грушу или яблоко. В то время много было ребяташек беспризорных на станции железной дороги. Много было нищих, которые с протянутой рукой

просили кусочек хлеба. Это были бездомные старики, грязные, оборванные, многие из них были обуты в лапти (плетеные тапочки). Но также на станцию приезжали, так сказать форсные женщины. Это были русские женщины, одетые в длинные юбки и платья, у некоторых на голове платки с длинными кистями, у некоторых — шляпы, а в шляпах — перья! Эти женщины были, конечно, красивее, чем нерусские, у которых лицо было закрыто паранджей.

Нерусские женщины стояли и продавали фрукты, а к спине у них были привязаны платком маленькие ребятишки, которые жарились на солнце. Но Бог с ними!

А нам дали разрешение на выезд. Мама дождалась, чтобы ехать на Родину к родным, и мы были рады, что едем к дедушке, маминному отцу. А мама, хоть была рада, но плакала и боялась, как ехать в такой дальний путь с четырьмя маленькими детьми, когда самому маленькому чуть больше года. Наготовила на дорогу продуктов и купила билеты на поезд. Мы со старшей сестрой бросили школу еще раньше, я тогда учился в первом классе, а сестра, наверное, в третьем. Ей нужно было учиться и Женьку нянчить, и за нами смотреть, так как мама работала. Благо, что соседи казахи были хорошие и помогали маме во всем, и маленького Женьку нянчили, и на поезд нас провожали. Мама, пока жила в Казахстане, научилась разговаривать по-казахски и по-узбекски. Мама с ними жила дружно. И они маму уважали и жалели, как маму, так и нас, а особенно маленького Женьку. Когда мама ночью работала, они забирали его как своего, нам пацанам не доверяли. А жили ведь рядом, как под одной крышей. Жилье — это квартиры, как сейчас гаражи, один к одному сложены из камня, с улицы некрасивые, а в жилье все чисто, потому что выращивали червей, тутовых шелкопрядов. Этим червям нужен чистый воздух, эти черви раскладывались на большие, как противень листы, которые ставили на полки у стены. Туда к червям клали тутовый лист, они его поедали, через какой-то период эти куколки отмирали и превращались в шелковую нить и при умирании откладывали коконы, из которых опять выводились эти шелкопряды. Вот так мы жили с мамой, среди таких добрых людей и шелковых червей.

Итак, нас проводили на поезд, и мы поехали. Мне казалось все интересным. Интересно было смотреть из вагона в окно, особенно, когда проезжали большие речки по железнодорожному мосту. «А как называется эта речка?» — я все у мамы спрашивал. Она говорила: «Ой, много будет речек... Эта Сыр-Дарья». Еще была речка большая, наверное, Аму-Дарья. Где-то проезжали Ишим, тоже большая речка, и мне все было интересно смотреть и знать. Мы выехали из Тилькубаса, потом проезжали Мундыбаш, станция такая, потом, помню, была Караганда. На этой станции у нас во время стоянки сестра вышла что-то купить. Мама ее отпустила. А она заблудилась и отстала от нас. Мы уехали без нее. Мама заявила: от поезда отстала дочка, ей лет десять тогда было. И мы через несколько станций высадились из поезда, чтобы она нас догнала. На станции мы стояли долго, наверное, сутки или больше. Но нам все равно на ней нужно было делать пересадку, потому что с этого места поезд шел в другом направлении. И на этой станции догнала нас сестра. Ей надарили подарков, чтобы не плакала: и конфеты были, и кукла большая, и карандаши разноцветные. И милиционер ее держит за руку, маме говорит: «Вот ваша девочка, больше ее одну не отпускайте, а то опять отстанет от вас. Вон, детей много беспризорных, милиция их собирает в детский приемник, заберут. В таком возрасте нельзя отпускать.»

И так мама больше одну ее не отпускала. А нужно было на станции выходить, чтобы набрать воды кипяченой. В то время в вагоне титанов с кипятком не было. Зато на каждой станции были водогрейки и кипяток бесплатный. И я ходил с соседями по купе, те купе, а плацкарт, который мы с мамой полностью занимали. А мама редко выходила на станциях из-за того, что много жулья было. Шныряли, чтобы стащить и вещи, и продукты, кто что схватит, обувь, чемодан. А выйдешь на станции — много стояло нищих, просили милостыню. Много было инвалидов на костылях. И были люди, которые без ног, а вместо ног чурочки. И таких инвалидов много на каждой станции. Почти везде встретишь, как ехать на восток. Как мама говорила, на Дальний Восток, до станции Спасск-Дальний, станция Евгеньевка, село Прохоры. В этом селе жили

мамины родственники: наш дедушка Антон, дядя Петя и его семья большая, дядя Ваня, тоже большая семья, это ее два брата Суроповы, две сестры. В этом селе жила одна тетя Ульяна и две дочки, а тетя Аня, вторая сестра с семьей, жила дальше по железной дороге, на полустанке Хлоринг. Вот нас мама и везла на родину после долгой разлуки. Сслана была девкой, а ехала к ним без мужа с четырьмя детьми. Было детей шесть, но двое первых умерли, похоронены в Казахстане.

Сколько забот, хлопот на мамину долю досталось. А тут еще старшая наша сестренка отстала от поезда, нам пришлось высаживаться через несколько маленьких станций. Нужно было высадиться, где большая остановка, чтобы помогли нам вынести вещи. Конечно, сколько для мамы расстройств и переживаний, пока нас сестра догнала на другом поезде в сопровождении милиции. На этой станции мы совершили пересадку на другой поезд и поехали по другой дороге: с Казахстанской пересели на Западно-Сибирскую ветку. И опять посадка в вагон, в котором мы должны доехать до города Спасск-Дальний, станция Евгеньевка. На пересадке, чтобы носить вещи, мама нанимала грузчиков. Если что-то выносили на перрон, сразу нужно было стоять возле вещей, караулить. Мама в то время стояла в вагоне с маленьким Женькой на руках, следила, чтобы все вынесли. И также, когда в вагон заносили, нужно было ждать, пока все занесут. И вот такие муки достались маме, и все-таки у нее была радость, что ехала с нами к ее родным. А мы, конечно, мамино горе не понимали. Мама с нами, и в вагоне народу много. В вагон заходили попрошайки и просили подать милостыню, кто что может, кусочек хлеба или денежку. И ходили по вагону цыгане, просили погадать на ладони, кто на картах, а кто и что-нибудь стащит. Смотри не проморгай! И ходили слепые с протянутой рукой, пожилые мужики, их обычно сопровождали дети, грязные, оборванные. А еще ходили такие косоглазые, но играли на гармошке, баяне, балалайке, гитаре, скрипке и на шарманке. Из них некоторые под эту музыку красиво пели песни, частушки. За это исполнение тоже подавали, кто что может, а некоторым оборванцам давали вещи: рубашку, зипун (это как пальто шерстяное,

но тонкое), штаны. На ногах у кого лапти, обмотки, чирки или ка-лоши резиновые. Всякий народ был: бедные и богатые. Ну а мы едем, для нас все интересно. В окно из вагона смотреть на речки большие широкие, и мосты через речки железнодорожные, а их много было. Я все спрашивал: «Как называется речка?» А их много было: Аму-Дарья, Ишим, Иртыш, Обь, Белая — это реки, которые текли на Западе. А тут пошли Енисей, Канн, Бирюса, Чуна, Ия, Ока, Белая, Китой, Иркут — и так до Байкала. А вот через Енисей проезжали: вода большая, наводнение, наверное. По Енисею плыли бочки большие, как железнодорожные цистерны. А за Байкалом мало было больших речек. Но на одной тоже было наводнение, плыли дома, сено, бревна. А вот над Байкалом вообще интересно было проезжать. По берегу Байкала после крушения ва-лялись товарные вагоны, доски, оторванное от вагона железо. А сколько тоннелей возле гор крутых! А какие повороты по берегу Байкала! Назад посмотришь, кажется, другой поезд идет совсем рядом. А как поезд в тоннель зайдет, в вагоне темно, вонь от па-ровозного дыма. Паровозы работали на угле, дым черный, вонь от угля, скорей закрывай окна в вагоне. А в этой темноте жулье ста-рается что-то украсть. Были такие моменты. Поезд возле Байкала шел тихонько, было много непредвиденных остановок. «Что сто-им?» «Да, говорят, обходчик остановил. Камни на путь со скалы упали. Путейцы чистят пути от камней». Вот поэтому было много крушений возле Байкала. Поэтому и было много товарных вагонов в воде.

А пассажирский поезд, если остановится, сразу подбегают торговцы с рыбой соленую копченой и пропахшей, как говорили, с душком. Торговцы: «И серу купите!» Это с листвяка живица, очень полезная, зубы очищает. Ягоды было много: голубица, черника, орехи кедровые. Березовые тусса из коры, корзины из прута на остановках подносят прямо к вагону. В это время мама говорила: «Садитесь и смотрите за своими вещами». Это было в Слюдянке. Там долго поезд стоял. Когда поехали из Слюдянки и ехали возле Байкала, интересно было смотреть в окно вагона. А дальше мало было больших станций, только где паровозы менялись. До Байкала

почти на каждой станции были водогрейки с горячей водой, или у машиниста паровоза просили горячей воды на чай. Вот так продвигались на Дальний Восток. А питались дорогой: где на станции мама покупала творог, сметану, молоко, хлеб. Хлеб был вкусный. И по вагону ходили — продавали пирожки, картошку горячую, рыбу жареную, соленую. И колбаса была вкусной, как помню. Все было. И мама нас обнимет, когда Женька маленький спит, и говорит: «Доедем до своей станции, а там нужно, чтобы приехали за нами на коне, чтобы до села Прохоры вещи довести от станции». И нужно было родственникам сообщить. Тогда телефона не было. А передать сообщение нужно тем, кто знает в селе Прохоры Суроповых: маминого отца или братьев. Сообщить, что «приехала с детьми, ожидаю на станции».

Когда приехали, на станции было холодно и лежал снег. Хотя мало было снегу, но морозно. А у мамы на руках Женька маленький да хлипенький, часто болел. И когда люди сообщили родным, они приехали встретить нас на двух конях, запряженных в сани. Сразу было много слез. Плакали о долгой разлуке. Когда маму отправили в ссылку, она была девкой, а приехала без мужа, а при ней четверо детей, да двоих похоронила в Казахстане.

Конечно, много было радости, когда приехали в ее родное село Прохоры. По приезду собралось много родственников, которых судьба не потревожила, и они жили в своих домах. Мамин папа жил один в своем доме, а дом большой, а он жил в маленькой комнатке и большой коридор. В коридоре стояли бочки с медом, поленница дров. Выход из дома был в хозяйственный двор. В его усадьбе был большой сад. В нем росли яблони, груши, сливы и еще много всяких плодовых деревьев. И был еще огородик, там росли все овощи, а еще дыни, арбузы вкусные. И стояли, так называют, колоды, это ульи с пчелами, пасека у его дома. А дом его считался складом. Он раньше до коллективизации жил богато. Дом был большой. Как мама рассказывала, семья была большая, дед их заставлял работать по хозяйству. Земля была, в поле надо было пахать, землю эту братья после пахоты сеяли вручную из лукошка, горстями разбрасывая зерно, потом боронили. Все сеяли пшеницу,

гречиху, лен, овес. В поле был дом, на заимке держали домашнее хозяйство, скот. Быки были, ими пахали землю, боронили и крутили привод (это большое колесо), от его вращения работало то, что подключат к нему. Подключали к нему молотилку (это устройство для обмолачивания пшеницы, овса, гречихи ржи — всех зерновых). А так возили на мельницу, молотье муку и делать крупу: гречиху, просо. Делали масло — давили из конопли, льна рыжика. Мама говорила: «Все делали сами». А как началась коллективизация, отец все сразу сдал в колхоз и его не раскулачили.

А когда мы приехали, при его доме стояли амбары. Это были уже колхозные, сад, пчелы. У него остался только маленький огородик, и он один жил, только за колхозными пчелами работал. У него были помощники от колхоза. Он только следил за ульями колоды. Вот такого я видел дедушку-трудоу.

Мамины братья жили в этом же селе, только на разных улицах. У дяди Вани была большая семья, тоже дом хороший, пятеро детей: три брата и две сестры. А дяди Пети не помню, и жил он бедненько. Еще была мамина сестра — тетя Ульяна Козлова. У нее были две дочки, у тети мужа не было, он где-то был убит, когда во время революции служил у белогвардейцев. Она маме говорила, что не знает, где он похоронен, а, может, просто зарыт в земле. Когда мы приехали, сколько было слез у мамы и разговоров после такой долгой разлуки. Это была большая радость, но ненадолго.

А еще у мамы была сестра Анна. Но она жила дальше по железной дороге, разъезд Хлоринг. Там у нее был казенный дом, они работали на железной дороге. У них было три сына. Они с Хлоринга ездили зимой на коньках через Суропову гору, так называлась гора. Суроповы здесь были первыми поселенцами. Они приехали на восток с Чернигова (Западная Украина). Это был мамин прадедушка. Они приехали на кораблях под парусами (вот такой флот был), были высажены поселенцами, которые должны заселить Дальний Восток, в то время он назывался Дальневосточная республика, а еще назывался Приморский край. А город Спасск-Дальний относился к Уссурийскому краю. В этом краю было много наших родственников по фамилиям Савченко, Крюковы, Суро-

повы. Но после революции всех поразогнали: кого постреляли, кого в Сибирь сослали, кого в Казахстан. Вот только в Прохорах остались мамин отец и мамин младший брат Петр и его семья. Наверное, они продолжают там жить, у меня связи нет. Они все были грамотные, а пришлось работать пастухами, пасти коров да баранов. Да и мама с ними мало обменивалась письмами. Хотя, в пятидесятых годах ездила к ним в гости. За все эти годы ссылки только одна мама приехала. Брат Петр жил нормально, у него была большая семья. Дети были определены хорошо в жизни. Он жил один, без жены, ее похоронил рано, дети его разъехались, но недалеко, по Востоку.

Мамин отец прожил девяносто семь лет и скончался скоропостижно, безболезненно. Мама с братом Петром сходили на кладбище, побывали на могилке у отца и родственников. Погостила у брата. Как нам потом рассказывала: «Брат ее оставлял у него дома». Дом свой, его дети приезжают, навещаются, помогают, что посадить весной, а осенью убрать. Он на детей своих не обижался, и внуки у него были хорошие. Вот только говорил маме, что скучает по брату Ивану. Он ему писал письма, правда редко, что живет в Сибири, на лесозаготовках работал десятником, дети его злились. А потом он перестал писать, и маме дядя Петр сказал, что не знает, где он теперь. А также что с сестрой Ульяной. Сразу как вывезли ее, были от нее письма, а теперь нет.

Когда мы приехали в Прохоры, я в эту зиму в школу не пошел, пропустил, хотя школа была рядом, возле дома тети Ульяны. Эту школу строил мамин отец. Он работал десятником (это как прораб) в то время. Школа была построена из кирпича, а село большое, в нем было несколько школ.

Я на следующую зиму опять пошел в первый класс. А мама работать устроилась рядом. Возле дома тетки Ульяны была база для военных, там солили овощи: капусту, помидоры зеленые. Маме хорошо было возле дома тетки Ульяны. И тут был огород тетки Ульяны, в нем росли дыни, арбузы, помидоры вкусные. Но все это нужно было поливать. Воду черпать из колодца, наливать в бочки, чтобы она согрелась. Бочки стояли возле грядок помидор, дынь,

огурцов. И вот решили мы купаться в этих бочках, вода теплая. Воду из колодца доставала сестра, она маме помогала и за нами присматривала. А я был непоседа и пакостный. И решили мы с братом в бочке покупать Женьку-брата. Мы-то ходили в болото с пацанами, там был котлован выкопан. Женьку туда не брали, сестра не давала с ним ходить. Да и котлован был недалеко от дома да вода холодная, поэтому мы с братом решили его в бочке искупать, а Женьке, наверное, годика два или чуть больше. Да хлипенький он. Я его раздел, а чего там раздевать! Штанишки да рубашка. И вот я его за ручки и в бочку окунаю, опушу вниз да вверх, он и крикнуть не успеваает. Я увлекся его купанием, а сестра увидела, юбку до колен подняла, бежит: «Вон мама, она даст вам!» А мама уже ограду перелазит. А ограда — три жердинки. Я как увидел: мама агрессивная, Женьку бросил в грядку, где дыни, а все лист колючий. Он как червячок закрутился, а я с братом бежать на улицу. Ну, убежали, побегали, домой боюсь идти — мне порка будет. Мама меня била за все проказы.

Убежали мы на улицу. Братишка со мной, хотя он не виноват. А тут начинается вечер. Днем было жарко, а к вечеру прохладно, и комары кусают. А на нас только штаны. Куда деваться?! Уже темно, где спрятаться? В сарай во двор идти: найдет мама. Но благо, в селе до коллективизации сделали большую улицу. Прошел трактор, протасил плуг, чтобы сделать канавы, кюветы. Пошел дождь, ливень, промыл эти канавы так, что они стали не канавы, а овраги. И мы с братишкой опустились в этот овраг и сидим, гладим по плечам друг друга. Это мы комаров отгоняем. А домой боимся идти. На улице темно, но мы недалеко от дома и слышно, как мама меня ругает. Где искать их! Сестру ругает: она старше и за нами не смотрит и дома не сидит, Женьку маленького с нами оставляет, сама уходит со двора с пацанами. Вот слышим, идет с сестренкой, и что-то светит над канавой-оврагом. Это она с лампой. Сестра идет в канаве, а мама светит. Нашли нас: «Идите домой! Буду ругать, бить не буду!» А сама плачет, приговаривает: «Что мне делать с тобой? Оставил мне ваш отец на мое горе, на муку — теперь мучайся одна с вами! Скорей бы в школу начали ходить, все меньше бы пакостил, а учился».

Я пошел учиться, надо было во второй класс, а с переездом пропустил эту зиму. Начинать учиться в Казахстане, а длинные были переезды на поезде. А тут опять говорят, что нас с мамой опять вывезут в Сибирь. Как мама говорит, за что ей такое горе, с четырьмя детьми такое мытарство и еще больной маленький ребенок. Но мне дали доучиться в первом классе до лета 1940 года. И так зиму прожили. Мама работала на засолке овощей. Работа, благо, была рядом с тем местом, где мы жили. Женька, братишка, постоянно продолжал болеть. Маминого брата, дядю Ваню с семьей, увезли в Сибирь. Сестру, тетку с дочками, тоже куда-то в Сибирь сослали. А маме с ее отцом и братом общение тоже было под подозрением. Но они оставались жить в этом же селе Прохоры. А мы жили в зимовье тетки Ульяны. В ее дворе оставалось зимовье и сарай, дом разобрали и перевезли на другое место, а нам стало скучно. И опять ожидание переезда, а мы предоставлены сами себе. Мама на работе, нас четверо, надо зарабатывать деньги. Когда папу похоронили, то маме платили на нас пенсию на четверых. А тут сразу в пенсии отказали и предупредили о выселении в Сибирь. Как она нам говорила, она писала письмо Калинину, и он дал ответ, что так нашли нужным — вот весь ответ от президиума Верховного Совета.

Вот такая наша доля и судьба, не позавидуешь. Как мама говорила, и врагу не пожелаешь. А мы все эти мытарства пережили. И остались с братом неграмотные, но со своей смекалкой. А смекалка — это тоже грамота! Вот был такой случай. В магазине продают кашемировые платки, это красивые такие платки, с длинными кистями, шелковые. Мама дала мне денег на платок по его цене: «Иди постой в очереди, купи мне платок». Я пошел в магазин, а он недалеко от нас был. Народа там много, большая очередь, одни женщины стоят. А я смекнул, что долго стоять надо. Я подумал и решил: надо скорей до прилавка добраться и пополз по полу между женщинами. Когда дополз до прилавка, нужно было встать. Я встал и оказался под прилавком у какой-то тетки, под юбкой длинной. Как встал, а она стала бить меня по голове, сама кричит: «Ой-ой!» — подпрыгивает. А я вылезти не могу. Опять

упал на пол, тогда оказался у прилавка. На меня кричат: «Это чей такой маленький, а бессовестный?! Чего тебе надо?» «Маме платок!» «А сама не хочет стоять, тут в духоте париться! Мальчишку отправила!» А продавец, мамина знакомая, тоже как будто поругала, а сама; «Давай деньги!» — и дала платок. И как бы то ни было, а платок маме достал. Вот это и есть смекалка! Она нужна всегда в жизни. Надо с детства чтобы была сообразилка. В жизни это, можно сказать, своя грамота. Она должна быть у каждого. Без сообразилки любая грамота — это пустая грамота.

Вот мама у нас была: она все видела наперед. А грамота у нее была: четыре класса в церковно-приходской школе. Она могла долго рассказывать, как ее жизнь сложилась. Что от родителей, родных братьев и сестер сослали в Казахстан. Письма не доходили до родных — цензура не пропускала. А если пропускала, то в письмах были заштрихованы слова.

Итак, я окончил первый класс, а сестра, наверное, четвертый. И повезли нас в Сибирь после школы. А в Прохорах остались мамин отец и мамин брат дядя Петя со своей семьей, и где-то на Хлоринге мамина двоюродная сестра тетя Аня. У нее было трое сыновей, они зимой ездили на коньках в школу через гору, это пятнадцать километров в одну сторону каждый день. И каждый день к нам заходили перед школой, оставляли коньки и иногда ночевали у нас или у дяди Пети.

И вот пришла пора прощаться... Подошли бабушка и дядя Петя с семьей, подъехала полторка, в ней уже сидела какая-то семья, и нас погрузили в машину и повезли на станцию Евгенийевка. Там уже стоял вагон и рядом с ним были люди, которые должны были ехать в этом вагоне. А вагон товарный, маленький, крошечные окошки вверху и большие двери, а внутри нары в два этажа. В этот вагон вселяли по несколько семей. Там были дети разного возраста, а из взрослых были только женщины и старики. И нас повезли.

В вагоне была большая лохань, типа бочка обрезанная, чтобы оправляться в нее. Она стояла у двери. Если мы с мамой ехали сюда в пассажирском вагоне и любовались в окно, то в товарном смотреть можно было только в двери. Внизу дверей стоял щит, а

возле него лохань. А когда поехали, то паровоз везет, не останавливается на станциях, а на одной долго стоял. На этой станции паровоз набрал воды, и люди брали на дорогу в бочку, в вагон для общих нужд. Так и мы ехали: общий плацкарт в товарном вагоне.

Самый маленький наш братишка Женька опять заболел в вагоне и на большой станции вызвали врача. Врач осмотрел его, сказал: «Нужно ложить в больницу». Тогда нас с мамой и вещами высадили с этого поезда, с товарного вагона. И маму с Женькой положили в больницу, а мы трое: сестра, братишка и я — жили несколько суток на станции. Мама навещала нас со слезами, плакала: «За что такое мытарство!» Мы на станции, Женька в больнице. Мама у него находилась только днем, а ночевала с нами. А утром опять уходила к нему. Он проболел в больнице недолго, вскоре умер. Мама говорила, он болел скарлатиной и воспалением легких. Там, где он умер, там его и похоронили, а мы его больше и не видели. А для нас он был забава. Ему было около трех годиков. После того, как мама похоронила сына, ей разрешили купить билет на пассажирский поезд. Остаться нам в этом городке не разрешили. В документах было сказано, откуда мы высланы и что направлены в Иркутскую область на поселение. До Иркутска нам был выписан билет, и носильщики помогли нам погрузить вещи в вагон. Конечно, мы радовались, что поедем в пассажирском вагоне, а то надоело спать на мешках и на сундуке. Нам радость! А мама все плакала. Нас было обнимет, прижмет к себе и говорит, что лучше бы отправили в Казахстан. Там и знакомые есть, там теплей. А в Сибири, в Иркутской области... куда? Какой район? Нет знакомых! Надо на квартиру устраиваться с такой семьей, и куда? Маме на работу надо устраиваться, а работу надо ближе к тому месту, где квартиру найдет. Куда из Иркутска ехать. А в пересыльном пункте дали любой район области. Мама выбрала Усолье.

Опять погрузились в поезд и поехали в Усолье. Там нужны рабочие и есть квартиры в бараке многоквартирном, и работа недалеко. Так нас со станции привезли в барак. Как мама говорила: одна забота отошла. А в бараке жили всякие, были тоже ссыльные. Были большие семьи, особенно у цыган. Цыгане не работали, толь-

ко ходили побирались: дай поворожу хоть на руке или на картах. И могли в квартиру залезть, воровали, все, кто постирает белье, повесят на улице сушить, а на улице нужно сидеть караулить. А то в наглую хватают и убегают. Да и наших русских пацанов много было беспризорных в Усолье. Они поначалу дрались со мной, пока не подружились. Мы ведь приехали, сосланы в Сибирь — поселенцы.

Вот поэтому мир со мной обращался как с чужим. Не примут за своего, пока с кем-нибудь не подерешься. Потом мы мирились. Иначе я дома не мог усидеть, нужны были друзья, и я познакомился с местными, рассказал, откуда приехали, как ехали. Я все друзьям рассказывал, где до этого жили. А жили в Казахстане, там тепло, яблоки растут и много других фруктов. Мы, маленькие пацанята, с большими пацанами лазили по садам за яблоками, рвали прямо с деревьев, не дожидаясь, когда станут сладкими.

И там сады тоже караулили. Сторожа, бывало, спрячутся в кустах, это казахи. И ждут, когда мы толпой зайдем. Они тоже несколько человек выскакивают из кустов и ловят. Кого поймают — отлупят. Уши чуть не отрывают. И все равно через какое-то время мы опять туда. А такие шкоды в детстве везде бывают. Так и тут в Сибири.

Здесь яблоки не росли, но в огородах были огурцы, морковь. Пацаны полезли в колхозный огород, а сторожа поймали двух. У одного — морковь, а у другого — огурцы. У первого пацана морковь, сторож снял с него штаны и в попу ее толкает, а тот хохочет. Сторож злится: «Чего хохочешь?» «Ты мне морковку не можешь вставить, а как Ваньке будешь толкать в попу — он огурцов нарвал!» Сторож еще сильнее разозлился: «Не крутись!» Тогда ремнем отстегал: «Вот будет вам поровну! А на другой раз собаку натравлю!»

Итак, мы в бараке жили и с пацанами сдружились и лето вместе проводили. То в лапту играли, то в городки, то в лунки мячик закатывали, то в чижа, в бабки, в лапту — много было всяких игр. В них играли и взрослые, и дети.

Я дома не сидел. Сестра по соседству нянчила чужих маленьких ребятшек, и братишка Юра был с ней. Мама работала

на сользаводе, а завод располагался на острове, через протоку Ангара. Мы там по берегу ходили, ловили щучек: делали петельку из конского волоса, привязывали на длинный прут. В жаркий день щучки стоят у берега, греются, как спят. Петельку подводишь на голову, дернул, и она — твоя. И много было широколобок. Они такие страшные были, но мы все равно их ловили и на костре жарили. Костер всегда разжигали, когда купались, потому что вода была холодная. И тут в протоке было много леса. Это были плоты для лесопилки. И с этих плотов мы ныряли. А я плавать-то не умел, а нырнул и занесло под плот. Ладно, был просвет большой между бревнами и взрослый парень вытащил меня, а то я чуть не захлебнулся. И маме пацаны рассказали, что я чуть не утонул под плотами. Конечно, за такое купание она мне сделала порку. Как всегда мне попало, а вот сестра и брат были послушные, их она никогда не наказывала.

Сестра как бы работала нянькой и за моим младшим братом следила, он всегда был рядом с ней. У него на животе под рубашкой был пришит чулок с деньгами, рубашка длинная, а в чулке были разложены деньги, чтобы никто не знал. И брат не знал, что у него в чулке спрятаны деньги, поэтому он всегда был на глазах, под присмотром у сестры. А я шарился с мальчишками везде. В то время Усолье было маленькое, как большое село. Больше было деревянных домов. Они были красивые. Это был курорт, возле него был мост на сользавод. Мне охота было пройти через мост и посмотреть, но нас туда не пускала охрана. А так толпой везде ходили. В городке был колхозный базар, на нем торговали, кроме картошки, всем, что было съедобное. И там продавались удочки длинные, сосновые, с необрезанными макушками, лески из конского длинного хвоста (связанные волосины между собой).

Таких лесок как сейчас не было. Также на базаре продавали телят, овец, кур, гусей, всякую птицу. Телеги стояли груженные всякой всячиной: дрова, сено, деревянные бочки, вилы деревянные, и все, что нужно для хозяйства. В то время в городе держали и коров, и свиней, и гусей, и курей. А у кого не было своего хозяйства, все покупали на базаре. На базаре было много всего. Табак продавали.

Это самосад, его так называли. Большие листья сушили, а потом крошили, как махорку. У мужиков хозяйственных были красивые кисеты. Так как спички были дефицит, чтобы добыть огонь, варили с березы грибы, что нарастает на старой гнилой березе. Его срубали и долго варили в золе из-под дров, потом сушили, а после того, как высохнет, его разбивали, чтобы был мягкий. Нужна была верхняя часть, когда рос на березе и осине, потом нужно найти кремний, это камень такой, они на вид бывают разных цветов. От него чуть откалывают, чтобы была острая кромка. Потом нужна стальная пластинка или хрупкая сталь. Можно расщепить сантиметров десять. Ей ударят по кремнию, по острому месту, резко вскользь. В этот момент кусочек трута кладешь на кремний, в момент удара выскакивает искра, и трут загорается. Все, огонь готов, прикуривай. А остаток этого уголька затуши. Если бросишь, ветер раздует — пожар будет. Вот таким методом деревенские мужики добывали огонь. Это было распространено во время войны, когда со спичками была проблема, а особенно в деревне. А то ходили некоторые утром печку затопить, а уголька нет. Выйдут на улицу, смотрят: откуда дым идет, тогда с совком идут туда, попросить уголька. Вот так было. Или еще огонь так добывали: патрон от ружья, в него клали вату, набивали полный патрон, сверху поджигали, чтобы сажа была, потом плотно затыкали патрон. Огонь потухал. Такое приспособление даже на базаре продавали. На базаре было всего полно и всякой живности. И мне все это было интересно смотреть. Как мама работала на сользаводе, как соль варят. Она говорила: «Из-под земли качают соленую воду. Воду кипятят, вода выкипает, а соль остается в котлах, потом ее сушили и размалывали». Мама работала грузчиком, другой профессии не было. И высланным на поселение предлагали только такую работу.

Подошла осень, и я пошел в школу во второй класс. А школа была недалеко от дома. Сестра тоже пошла в школу. Мама на работе, а мы с сестрой, пока были в школе, братишку закрывали на замок. Хорошо, что он был послушный, и мама была поэтому спокойна. Сестра пошла в пятый класс, и на длинной перемене бегала домой проведать Юрку-братишку.

Всякое было. Мама давала деньги, чтобы в школе купить булочку, съесть на перемене, а старшие ученики отбирали деньги у некоторых младших учеников, приходилось драться. В это время мне уже было девять лет, мог сопротивляться. По годам я должен был быть в третьем классе. Но я с переездами пропустил год. Это, конечно, влияло на успеваемость. Да и друзей детства не было, приходилось самому себя защищать.

В то время учились по два класса в одном кабинете. Одна учительница на уроке поочередно преподавала для каждого класса. Доска черная, учительница на ней писала мелом буквы. А мы писали пером, тоже должны были выводить с нажимом и волоском, макая перо-ручки в чернильницу-непроливайку. Писать нужно было красиво, чисто. Так и урок назывался — чистописание. А по арифметике была тетрадь в клеточку. Должны были у всех быть пеналы, в них ручка для письма, запасные перья. У некоторых были ручки железные, как трубочка. С одной стороны в трубку вставлялось перо, с другой — карандаш. Если нужно, пиши пером. А младшим классам перья нужны только восемьдесят шестые и такая ручка трубочкой. И эта ручка меня подвела в моей учебе.

Что говорить, много было бедных учеников. Как говорили, одна рубашка-перемываха. Также одни штаны, в них и спать и в повседневной носке. Ходила комиссия по классам, проверяли на вшивость. Мальчишкам нужно было поднять рубашку и вывернуть над головой, и врачи смотрели в рубцах, есть ли вши. А кто не стриженный — в голове, в волосах. И было много таких учеников, кого отправляли с уроков в баню. И чтобы они потом принесли справку, что мылся в бане, рубашка и штаны прошли обработку, санпропарку. Мальчишек проверяли на месте, за партой, а девочек отдельно, после мальчишек. Мальчишек из класса в это время выводили. Я однажды говорю соседу: «Какая здоровая у тебя щеке ползет!» Ему не понравилось такое замечание, и он начал со мной драться. Учительница нас стала разнимать, меня втолкнула на свое место и стала между нами к нему спиной. Он в это время меня хотел ударить левой рукой, опершись на парту правой. А я как бы защищался, у меня в руке была ручка для письма, вот с

этим большим восемьдесят шестым пером. И я его ударил этой ручкой в кисть ладони и проткнул ладонь. Его девчонка повела в больницу, а меня выгнали из класса. Мама была на работе, на сользаводе, сходили за мамой. Пока мама пришла, меня хорошо отлупили и сказали: «Ты учиться в этой школе не будешь за драку в классе, за такое поведение!» Хотя успеваемость у меня была хорошая. Но за случившееся меня из этой школы исключили. А поблизости другой школы не было. Тогда мама решила из Усолья в другое место уехать. Да и работа грузчиком была тяжелая: сольмешки носить. На железной дороге мест не было. И другой работы не было. В этом году война началась, мужиков в армию забирают, и взамен мужиков на этих работах грузчиками работают женщины. Мама решила переехать в Аларский район, да это больше оттого, что друзья этого мальчишки собирались бить и мстить. А мне жалко отсюда уезжать. Ангара-речка близко, где наш барак на бугре, видно издалека, как пароходы идут. Баржи вверх по Ангаре очень тяжело тянут — это буксирный пароход, у него колеса по бокам, деревянные — лопасти. Когда пароход тянет баржу навстречу течению, то слышать от лопастей такой сильный шлеп о воду. И вот сидишь на берегу, смотришь, один раз пароход тянул баржу, она была прицеплена тросом, а трос оторвался или отвязался, баржа вниз по течению пошла неуправляемо, стала быстро удаляться, пока пароход развернулся, чтобы ее догнать, она скрылась с наших глаз, и как он ее догнал, уже не видели. А еще ходили смотреть на пристань пассажирские пароходы, вот пароход большой был, он назывался Ленин, красивый был, покрашен белой краской, на нем три палубы, и всегда на нем было много пассажиров. И один раз, когда прошла посадка, он не смог с места тронуться, наверное, получился перегруз, или вода была мелкая, и мужики и женщины отталкивались от берега шестами, и им еще помогали с берега оттолкнуться люди на пристани. Под выкрики «раз-два», еще и с какими-то прибаутками. А нам за всем этим было интересно наблюдать: и на пароход, сколько на нем было спасательных кругов, лодок, пожарных щитов, а на щитах были ведра, багры, топоры. И все это как бы украшало пароход. Если у грузовых пароходов были

колеса по бокам, то у парохода Ленин было одно колесо сзади, но зато огромное. И когда он плыл вверх по течению, то от этого колеса шум далеко разносился.

Так как началась война, многих мужиков забирали в армию. Пассажирские пароходы везли с отдаленных деревень по Ангаре до Усолья их в военкомат, с последующей отправкой на фронт. И как только появлялся такой пароход, видно было, как на пароходе весело гуляли, играла гармонь или баян, или балалайка, пелись частушки, песни, плясали, и такое сопровождение было слышно издалека по Ангаре. А как только сходили с парохода, тут все смешивалось, и баян, и гармонь, балалайка, частушки, слезы, проклятия Германии, Гитлеру, что мужиков забирают на войну.

А нас мама увозит на другое место. Жалко с Ангарой расставаться, веселое место, я там дома не мог усидеть, а учиться не учусь, выгнали, исключили из школы. И повезла нас мама в Кутулик Аларского района, жить рядом со станцией, там квартиру нашла, жить вместе с хозяйкой, думала поступить на железную дорогу, ее обнадежили, но на обещанное место работы стрелочника местную женщину приняли. В Кутулике станция небольшая, другой работы не было. Тогда наша новая хозяйка, она работала в заготзерно, маме посоветовала поступить туда на работу, так как с продуктами стало плохо, хлеб стали давать по карточкам, на рабочего и на иждивенцев. Хлеба не хватало, а у нас не было ни картошки, никаких припасов, нужны были деньги, и за квартиру платить и покупать все на базаре, и нас кормить, трех иждивенцев. Мама пошла работать грузчиком, а нас: меня с сестрой еще в школу не устраивала, сестра с младшим братом были дома, а я с хозяйкиным пацаном (он был старше меня и тоже не учился) катались на коньках. И как колхозники на санях с обозом запряженным в коней подъедут к заготзерно, так мы толпой, пока мужики и бабы колхозное зерно в лаборатории проверяют, в это время успевали мешок ножом пырнуть, подставить к дырке мешочек и насыпать в него пшеницы и скорей убегать, кто куда, в разные стороны. А колхозники, как увидят нас, и, догоняют, кого поймают, хорошо отлупят, коньки отберут и больно отпинают до кровоподтеков. После

таких побоев, не то что бежать, а идти не можешь. Да еще дома мама порку хорошую добавит, а потом сама плачет, и сама больная стала от тяжелой работы. Как дальше жить, немного поработала в заготзерно и уволилась. Да я еще стал с друзьями нехорошими водиться, и решила она поехать в деревню Маломолево, недалеко от Кутулика, там колхоз, она там устроилась в школу уборщицей, и квартиру школьную ей дали. В деревне жить — с продуктами легче, и дрова в школе готовые, и я с сестрой, рядом школа, и маме работа в тепле, не мешки носить. Братишка с мамой рядом, сестра пошла учиться в шестой класс, а я во второй, а должен был идти в третий, с переездами пропустил год, да и учиться не хотелось, и все причина: то переезды, то подрался, исключили из школы в Усолье. А переехали в деревню, стал стараться. Приняли в пионеры. Но опять в этой школе учились в одном классе, было два ряда парт второй и два ряда четвертый. Один учитель. Учителя эвакуированные с Запада. Так как шла война — людей с Запада вывозили в Сибирь и расселяли везде. Это были только женщины и ребятишки. И нас учила тоже эвакуированная, как говорила, из-под бомбежки, и рассказывала про эти страсти, как погибали люди от разрыва бомб. И она стала больной, ее стали бить припадками эпилепсии. Сидим на уроке, она объясняет, слушаем, а я смотрю, от четвертого класса, через проход между половиц ко мне что-то течет, а я от прохода первый за партиой сидел. А оказалось это ученик четвертого класса прудит под парту, за которой сидит. А я ему говорю: «Ты что делаешь, зачем на уроке под парту прудишь!» Я это сказал вслух, и тут смеяться над ним стали и называть его бессовестным. И подошла учительница, а он тогда встал и давай драться со мной, учительница хотела разнять нас, и в это время упала на пол, ее стал бить припадок, а мы продолжаем драться, а оба класса испугались, что учительница бьется на полу, и у нее изо рта пена пошла, побежали с криком в коридор.

Тут вся школа испугалась, тоже выскочили в коридор и учителя: «Что случилось?» — спрашивают. И кто-то сказал: «В классе на полу лежит учительница, у нее изо рта пена идет!» Давай ей рот открывать, язык доставать, чтобы не запал в горло. Через какое-то

время она встала. И тут директор школы спрашивает: «Что случилось?. Ей рассказали: «Вот эти два ученика стали драться, она их хотела разнять и упала и стала биться, и у нее пошла пена изо рта, а мы испугались и побежали из класса». Это двое виноваты, а факт налицо, оба стоим через проход рядом, спрашивают: «Почему дрались на уроке? Он стоит, на нем разорвана рубаха, он же виноват и плачет, что у него больше рубах нет, и директор школы бурятка Галина Цагантаевна подходит ко мне, взяла за ухо, да так навертела, что оно у меня и сейчас как протезное, а у него взяла рубашку, чтобы я ее починил. А рубашка такая цветная, косоворотка. У меня не было такой, да и ростом был я меньше, но я ему зашил тоненькой драткой, она была варом промазана, так я ее еще и запачкал и принес и хотел отдать, он не взял, хотели опять драться, но нам не дали. Тогда директор школы вызвала мою маму: «За такое поведение я его исключая из школы». Я в это время был пионером и по успеваемости шел впереди.

Тогда успеваемость отмечалась на стенде самолетиком. Написаны были в столбик фамилии а вверху Москва, и натягивалась параллельно им ниточка, а на ниточке самолетик, у кого больше пятерок по успеваемости, тот и отличник, но директор школы не смотря на то, что я хорошо учился, исключил меня из школы. Больше из-за того, что учительницу довели до припадка. Да и мама говорит: «Раз ты дерешься в школе, пойдешь коров пасти. И так я до весны не учился.

А жили в школьной квартире. Мама работала уборщицей, сестра училась в шестом классе в этой же школе, после школы ее в ФЗО забрали. Когда в школе каникулы начались, мама с Юркой братишкой нанялись в деревне коров пасти, он был младше меня и еще не учился, все время был с мамой, как подпасок, а меня мама отдала в другую деревню. Эта была небольшая заимка, всего в семь домов. Пятнадцать коров, у них ноги спутаны, чтобы сильно не бегали. И вот стал я работать и жить у чужих людей, тогда мне шел десятый год, начиналась моя трудовая жизнь. Летом я коров пас, зимой — валенки подшивал. Кто как заплатит, кто ведро картошки даст, муки, яиц, молока, кто какую одежду... Принесет

старые валенки, а я их починял, делал колодку по своей ноге; лишнее обрежу, потом намочу, и мокрые натяну на колодку, высушу, потом подошью подошву, одетую на колодку, с подшитых колодку сниму, и получаются хорошие валенки, которым потом завидовали взрослые. И просили, чтобы им так сделали, конечно, за это платили, кто чем. А мама с братишкой в деревне коров пасли по договору, заработали на зиму на пропитание и в этой деревне остались жить у чужих людей. В школу мама не вернулась, ей в деревне понравилось. И я к ним пришел, только без заработка.

С дедом, с которым я пас коров, мы просмотрели корову, она в ручье утонула. Вечером пришли хозяева этой коровы. Я уже спал и не слышал. Они ему говорили, что корова не пришла домой. И они пошли искать с дедом и смотреть, где пасли, и нашли ее в болоте, она увязла в холодном ручье и переохладилась, когда ее вытащили, она не могла стоять на ногах, тогда они ее зарезали и сказали деду: «Вот, забирай мясо, а нам корову отдай или давай деньги — пятнадцать тысяч». А как мясо продать? Надо везти на базар в Черемхово. А лето, жара, и таких денег не наторгуеть. Пятнадцать тысяч! И дед что мясо продал, еще свинью с маленькими поросятами, кое-как насобирав эту сумму. Конечно, меня строго не наказывали, но что мне по договору надо было заплатить, не заплатили. Да и он понес такие убытки! В семье, а семья была у него большая, был один только парень, и тот шалопутный. И было шесть девок. Одна дочка была замужем, и две хотели выйти замуж, но их женихов забрали в армию. Шел 1942 год и из деревни многих брали, чуть ли не каждый день провожали. А какие слезы с причитаниями! Впереди идет лошадь, запряженная в телегу, в ней сумки, еда на дорогу, парней девки провожали, плакали, а мужиков женщины, мужики несли на руках маленьких детей и всегда доходили до одного места за деревней и там подолгу стояли, это были проводы в армию. На таких проводках было все: слезы, рыдания с причитаниями, проклятия Гитлеру, что мужиков забирают, на эту проклятую войну, оставляют жен с маленькими детьми на руках, некоторые семьи уже получили похоронки, что ваш муж погиб под Москвой, и несмотря на такие сообщения, проводины

были веселыми, играла гармошка и были такие громкие слезы. Плакали и давали наказания, чтобы скорее закончили эту войну и вернулись здоровыми. А кто получал похоронные листы, оставались одна женщина дома с большой семьей, у многих были маленькие дети. Мать рано вставала. Сначала у колхозников было большое хозяйство по две-три коровы, и матери надо встать коров подоить, на сепараторе молоко пропустить, свиньям приготовить, детям на день приготовить поесть. Хорошо той матери, у которой старшим детям двенадцать-тринадцать лет, это были хорошие помощники по дому. Они и в школу ходили, и дома с хозяйством управлялись. Хорошо было в больших деревнях, школы были до семи классов, а в маленьких — до четырех. Приходилось ходить учиться в деревню до семи километров. Зимой в холода нанимали квартиры до выходных, а после их увозили на лошади с продуктами. Это в начале войны были продукты, все было. А дальше голодные дни. Жизнь все усложнялась. В колхозе оставались женщины и немощные старики, которые по дому кое-как ходили. Такие все-таки были нужны, что-то да помогали по дому и в колхозе, в деревне детсадиков не было, дети были маленькие, быстро выросли, становились самостоятельными и как няньки по хозяйству управлялись. У всех были большие огороды, матери работали в колхозе, да и дети, которые повзрослей, с двенадцати-тринадцати лет. Мальчишки пахали на лошадях, выполняли мужскую работу круглый год, зимой на лошадях возили сено, солому для скота на ферму в мороз, да и в сильный ветер, а вот девчонки с двенадцати лет боронили поля, тоже у них как у нас было, шесть-семь девчонок. Как подходила весна, правление колхоза закрепляло пару лошадей, то после, как поле вспашут с ними, как называли его старший бороноволок, это был дедушка, он от рождения плохо видел. Его назначили старшим по досмотру, как мальчишки пашут, а девчонки боронят, и чтобы вовремя был обед. Обеды, правда, готовили на всех, кто работал в поле. И собирались все к обеду. Лошадей накормить на конном дворе, для них конюхи делали месиво: рубили солому, мочили водой, потом посыпали комбикормом, это фураж, отходы от зерна, после очистки. Конечно, лошади любят овес, а его почти что не

было, потому что его сдавали для фронта, и сена много заготовливали, тоже все отдавали государству. Не то, что люди недоедали, и скот недоедал — не хватало кормов на животноводстве, а нужно было все для фронта, чтобы кормить армию. В Армии было много лошадей — таскать орудия, боеприпасы подвозить. Так что на фронте воевали, били немца-врага, а нам в тылу не было легко, и сколько слез было пролито, когда приносили похоронку: ваш муж или сын погиб геройски. Тут вся деревня плакала, женщины и дети с какими причитаниями о погибшем отце, брате. А в некоторых семьях дочери учились на врача, не успела окончить институт, с института взяли в Армию, тоже на нее получили похоронку. Но как эти мамы, жены выдержали столько горя, и что главное, как помню, в деревне не было больниц. И все женщины были здоровы физически. В колхозе много разных было работ, и они везде успевали, и со своим хозяйством. Без своего хозяйства невозможно было выжить. Что-то оставляли для себя. Налоги были большие. Корова есть: молоко сдай, масло сдай. Куры: яйца сдай; свинью закололи, на базар, на налог деньги нужно. Если не заплатишь, опишут, что у тебя, какое хозяйство и конфискуют за налог. Шкуру с животного со свиньи, с овцы — шерсть после стрижки, все это нужно сдать, корова отелилась, теленка нужно в контроктацию осенью сдать в заготскот. Зимой женщины пилили чурочку с березы, нужно было очистить кору, чтобы было без коры, пилили и кололи. Вся эта чурка хранилась под крышей в сарае, чтобы была сухая. Были тракторы гусеничные НАТИ, заведут его на бензине, а потом переключат на газ, когда чурка горит, с этого дыма получался газ, хотя эти тракторы были слабо-мощные, но все-таки вездеходы и в сырую погоду по полю не буксовали, особенно, когда таскали комбайн.

На уборочную были мобилизованы солдаты. У них тоже были машины, они работали на газе с этой березовой чурки. Возили обмолоченный хлеб от комбайна на колхозный двор-склад. Особенно первая жатва пшеницы, были хлеба сырые, влажные. Ее сушили, веяли, очищали от сорняков, а потом возили на элеватор, загод зерно. Солдаты, шофера жили и спали в кабине, у каждого был боевой карабин с патронами, но питались в полевой колхозной кухне. И

так всю уборочную, пока весь хлеб обмолоченный не вывезут на элеватор заготзерно. Вот так работали в тылу, вдали от фронта.

Конечно, были уполномоченные от райкома партии, сами не спали и другим не давали. Были рассудительны, в сельской жизни разбирались грамотно, требовали работу. И были такие, только партбилетом махали. Что пацаны в шутку скажут, он принимал за правду. А утром, когда колхозники пришли на работу, он говорит, вчера проверял, кто, где, как работает. Подхожу, ребята должны пахать. Они лошадой от плугов отцепили и сидят, лошади пасутся возле поля. Я спрашиваю: «Почему сидите? Вы должны пахать, а вы сидите! Лошади в упряжке пасутся не в свое время. Был для этого обед и коней кормили, а вы сидите». «А мы уже почти норму сделали, да и вальки скрипят, надо смазать солидолом, а тракторный бригадир солидолу не дает. А посмотри, у вальков сцепки металл перетирается еще немного и перетрется». Вот так дети обманывали партийного уполномоченного из района или города. Вот такой, как бы сказать, общий смех женщин и детей, которые работали как взрослые и понимали по-взрослому. А такой представитель власти, можно сказать, был погонялой без смысла в работе колхозного производства. Да еще был под броней, что освобождало его от призыва в Армию и отправки на фронт, что раздражало женщин, у которых погибали мужья и они получали похоронки с передовой линии фронта в конверте. У кого муж, отец, сын, вместе переплачут, как только, почтальон идет, уже готовые слезы. Каждая ждет весточку с фронта, и никто рук не опускал. Работали все, ждали победы и возвращения домой.

В той деревне, где мы остались жить, нас приняли в колхоз. В этой деревне было пятьдесят дворов, школа до четырех классов. А жителей было мало, больше женщины. Четыре старика, два из них сидели дома, а два работали. Один был специалист на все руки. Готовил для покоса вилы деревянные, грабли, ремонтировал и делал сани, телеги, все, что нужно в хозяйстве колхоза; еще один специалист — дедушка с плохим зрением. Он был летом и весной старшим над девчонками и пацанами, которые пахали и бороили на полях, а зимой ремонтировал для лошадей сбрую (это хомуты,

шлеи). Выдελывал кожи. Такой процесс выдελывания: первое, с кожи нужно удалит шерсть, потом напарить коры с тальника или лозы или березы из-под бересты, это красная, так называемая дубильная. После дубления промазывали дегтем, и нужно мять. В приспособлении для кожи. Средняя часть крепилась в земле намертво, в ней пазуха, вторая часть одевалась на нее, вроде цилиндра, тоже с пазухами, кожа вставлялась через пазухи, и крутили воротом кожу в пазухах, вставляли напололам. Крутили ворот два человека и можно конем. Процесс, когда кожа преломлялась в изгибе, кожу нужно было смещать из центра периодически. Пока она не станет мягкой, а потом из этой кожи сапоги-ичиги, чирки шили сапожники. Потом, когда сошьют, хорошо пропитывали дегтем. Тогда можно ходить по воде, и нога сухая. Воду не пропускают, это такую кожу делали для обуви и для сбруи. А хром делали из овчины, шкура барана для хромовых сапог. Это все я видел, хотя был пацан, но всем этим интересовался и присматривался, поэтому хорошо знаю. Да деды говорили: «Учись! Как что делать надо, это в жизни все нужно, чтобы сам мог все делать, а это не каждый мужик имеет способность и навык, а идет и просит, чтобы ему грабли деревянные сделали для покоса, сено сгребать — вилы деревянные сделать, косу, как говорили косьевище, для косы отклепать косу правильно. Чтобы на полотне косы не было волн. И мне все это пригодилось, как сам стал все это делать, да братишка, хотя помладше, а с умной головой, как говорили, от скуки на все руки. Быстро соображал, хотя один класс закончил.

Любил работать. Летом со мной овец пас. А зимой играл с пацанами. Для пацанов делал лыжи из драниц, загибал конец драницы, распаривал. Загнет, потом сушит, прибьет веревочки, чтобы на ноге крепить. Конечно за плату, кто что даст. Делал коньки деревянные. Обчешет клином, потом для лучшего скольжения из-под низу загнет проволоку и хорошо катятся. Конечно, не так как у некоторых пацанов были заводские снегурочки, но самодельные, с горки, да еще по льду все-таки можно кататься.

Но самое увлекательное у него было, это я ему сделал деревянные санки, маленькие, но как делают для коней с отводинами.

У нас была собака, звали Полкан, здоровый кобель, так он его приучил санки таскать. Сперва он его за ошейник привязывал к санкам, а потом сделали хомут, как на коня шлею. К хомуту, чтобы тормозить с горки, к санкам оглобли, дугу, как коня запрягают. Так это было для ребятишек такой завистью. Чтобы прокатиться на собаке в очередь выстраивались. Юра, дай я проеду! А Юра такой форсней, что у него просят, с уговором, что ты ему дашь кусочек мяса или кусочек хлеба, обмазанный сметаной. А вот когда он на нем из леса везет сухие дрова да по деревне, а дров столько, что хватало один раз протопить хорошо русскую печку зимой. Когда везет по деревне собака Полкан, а братишка сбоку да такой форсней, что люди на него обращают внимание: «Вон у Дарьи какой мальчишка хозяйственный! Да вот только надо учиться в школе, а она их работать заставляет, а так мальчишки способные».

И мы взрослые. По хозяйству у себя все знали, что нужно сделать: заготовить на зиму дров, напилить, наколоть, в поленницу сложить, чтобы на всю зиму хватило, а также накосить сена для коровы, вывезти с покоса домой в сеновал, это после того, как нас приняли в колхоз.

Мы в колхозе работали с детства и хорошие трудовни зарабатывали на животноводстве. Вот только шла война и на трудовни мало давали зерна, а денег вообще не давали, сколько на трудовень начисляли. Но как война закончилась, сразу стали жить, можно сказать, нормально. Зерно мололи на муку, возили на базар. Муку продашь на базаре, на эти деньги купишь что-то, чтобы надеть на себя. А на базаре все можно продать, что привезешь в Черемхово: капусту, морковь, свеклу, семечки, табак (мама выращивала самосад). Потом его высушить, покрошить, как махорку, и на базар продавать стаканом, все, что можно продать на базаре колхознику. И стали мы одеты, появились у нас рубашки и костюмчики. Не то, что с перины мама сняла верхнюю матрасовку и сшила нам штаны, покрасила синькой (она была белая). В таких штанах мы с братом ходили, как будто так и надо, но все-таки в штанах — не голая задница! Как некоторые па-

цаны: чтобы в школу идти, у соседей просили штаны, чтобы только в школу сходить и сразу вернуть, а на завтра опять то же самое.

А вот когда я пас и ходил по очереди по домам, кормили меня, и чужие вши грызли меня. Вот хозяйка снимает со всех штаны и рубашки, чтобы в русской печке, когда протопит ее и остынет, чтобы только на ухват положить, а вши сжарились. Эта процедура делалась, как ребятня спать ложится, а мать после работы со всех по очереди снимает и жарит вшей, чтобы ее семью не съели. Такое зверье было наверное в каждой семье, не то от переживаний, что война.

Забегу вперед, когда меня сняли с чабанов, и я работал конюхом, по несколько дней приходилось не раздеваться. День работаешь, а ночью лошадей пасешь в поле. Так неделю, от бани до бани. И вшей не было, а когда в Армию взяли, ехали в товарных вагонах на общих нарах, то вши у всех были. И дорогой на станциях состав останавливали и всех водили в баню, а одежду, у кого что было, штаны, рубашки, пальто, телогрейки, у кого шубы в специальных камерах — дизокамера. А из шубы получался кусок меха, ее коробило в кучу, только выбросить, что и делали. А нары в вагоне оста-

вались со вшами. Когда привезли в часть, там выдали старое обмундирование, все верхнее и нижнее, сапоги кирзовые, голяшки у сапог протертые, вещевые мешки. А свое, в чем ехали из дома, сдали на склад вместе со вшами. А бедность и в Армии была. В части проходили комиссию, если кого отчисляли по состоянию здоровья, то он должен надеть все свое, но получилось, как поползли эти вши из склада, их перенесли в дзоты. А дзоты нужны были когда-то для обороны в войне. Потом они

А.Е. Фильковский — рядовой советской армии

стали не нужны, и в них сложили вещи, облили бензином и подожгли. А от горения такая вонь, и ветра нет, весь запах стоит в этой долине, где мы жили в палатках. Ну ладно, это все в комплекте с кровососами. Такая была бедность от войны, не было мыла в частях, стирали белье каустической содой. Солдатам давали хозяйское умыться и носовой платочек, постирать подворотничок.

В этом виновата война, на которую все средства шли на вооружение армии, на победу над Германией, что и сделала наша Армия. Разбила Германию, и с фронта стали приходить мужики, которые остались живы, и хотя многие погибли на фронте, как в нашей деревне, но вернувшиеся сразу начали работать в колхозе на разных работах. Но женщины также продолжали работать, потому что мужиков мало было, и те в престарелом возрасте. Но все равно, в деревне стало веселей, стали отмечать праздники: Троица, Пасха.

Как всегда, в теплые дни взрослые делали складчину, кто что может приготовить поесть. У каждого была самогонка, но по вкусу разная, и по крепости разная. А мы ребята собирались, устраивались вдоль деревни по дороге, играли в лапту — били мячик вдоль дороги. Две команды распределялись, чтобы в команде было поровну ребят и девчонок. Одна команда бьет мячик по очереди, другие на нарывочки стоят, мячик подают. Вот ударил мячик лаптой, старайся бить дальше по нарывной, кто ударил лаптой, сразу убегай

А.Е. Фильковский перед демобилизацией.

от того, кто перехватит мяч, потому что он должен в того, кто убегает, им попасть.

Так заканчивалось моё детство. Я рано стал взрослеть. Меня приняли в комсомол, стали избирать в комиссии и в правление колхоза наравне со взрослыми. Когда бригадир уезжал на совещание, меня оставляли за бригадира. В марте 1951 года меня призвали в армию. Я служил в автороте и был демобилизован с почётной грамотой. Вот такая у меня интересная жизнь. Хотя грамотным не был, но жил в радости.

Часть 2. ЛЭП

*«Но пускай тот, кто не был в ЛЭПи,
Завидует нам!»*

С. Гребенников, Н. Добронравов

Комсомольские стройки, так ударно зазвеневшие после войны, поднимали страну из руин, помогали осваивать новые территории, покоряли реки, создавали новые города. В 1958 году была возведена иркутская ГЭС. Эта была первая из четырех ГЭС ангарского каскада. За иркутской ГЭС, по плану, шло строительство Братской ГЭС. Братск был далеким поселком, который отделяли от Иркутска километры и километры тайги. Чтобы начать там грандиозное строительство, нужно было электричество. (При строительстве иркутской ГЭС электричество брали от иркутской ТЭЦ). Теперь, уже работающая иркутская ГЭС могла дать электроэнергию своей младшей сестре. И поэтому комсомольцы осенью 1955 года поехали строить ЛЭП-220 кВ, от города Иркутска до будущего города Братска.

Как и любая комсомольская стройка, ЛЭП-220 собрала молодые силы со всего Советского Союза, но основной костяк составляли, конечно, сибиряки. Один из них, Анатолий Емельянович Фильковский, главный герой нашей книги.

Устроился он после армии работать на железную дорогу в Китой, что под Ангарском. «А на работе, — вспоминает Анатолий Емельянович, — аж испугался — были одни женщины и девчонки. «Малинник!» Девочки хорошенькие, все с колхозов убежали. Тогда с колхозов справок не давали, и некоторые девчонки, чтобы вырваться из деревень, вроде бы, выходили замуж и приезжали в города. А профессии у них не было. Вот и приходилось поступать на железную дорогу бить костыли кувалдой, да шпалы таскать».

Проработал холостой парень с таким коллективом десять месяцев: «Надоели мне ихние поцелуи, решил уволиться». Но не так-то просто было это сделать. Четыре заявления порвал начальник перед юным путейцем: «Иди, работай!». А на веский довод юноши, что он пойдет учиться, только отмахнулся: «Я тебя сам выучу, не увольняя». Жаль было начальнику терять такой ценный кадр. Но и разозлил он парня. В четвертый раз шел тот по коридору с отказом, когда повстречал комсомольского секретаря.

— В чем дело?

— Да, вот, начальник конторы Штольвин не увольняет, все заявления рвет.

— Да-а... А хочешь на комсомольскую стройку поехать?

— А че делать?

— Высоковольтную линию от Иркутска до Братска строить, котлованы копать вручную, жить в палатках. Работа тяжелая.

— Я работы не боюсь, вот только грамоты нет.

— А землю копать грамоты много не надо.

— Согласен. Еду.

— Пиши заявление.

Помог комсомольский секретарь написать заявление:

— Ну а теперь возвращайся к своей работе, на днях состоится собрание.

На собрании было много заявлений, обсуждали каждого, кто хотел ехать на комсомольскую стройку, и Анатолию Емельяновичу дали рекомендацию ехать строить ЛЭП 220 кВ, сказали только:

— Ждите вызов, пока работайте на своих местах.

И вскоре пришел вызов. Ребята ходили с обходными листами об увольнении, случайно встретились и говорят:

— Кого рекомендовал горком комсомола города Ангарска, всех собирают в группу.

— А мне нет вызова из отдела кадров, — спохватился Анатолий Емельянович.

— Как? Есть ты в списках! Список в отделе кадров!

Действительно, он висел в списках.

Вопрос к кадровичке: «А почему не сообщаете?»

— А тебя нету в списках.

— Нет?!

Что делать? Пришлось ехать в Ангарск, в горком. Там сразу направили к секретарю горкома партии: «Вот этого комсомольца с работы не увольняют, ему комсомольская выписка нужна». Секретарь горкома выслушал и говорит, как тогда показалось Анатолию

Емельяновичу, небрежно так: «Идите!» Но прорыв был свершен. Вернулся он на работу, а кадровичка: «Ну что? На обходной лист. Чтобы все подписали».

А с обходным листом тоже история была. «Ну, ладно, городскую библиотеку-то еще сходить подписать, — вспоминает Анатолий Емельянович, — но библиотеку марксизма-ленинизма! Ну, думаю, я художественную-то литературу редко читаю, а такую! И не знаю, где искать ее, эту библиотеку. И в городе кого ни спрошу, никто не знает. И вот пришел я к горкому партии, думаю: тут все знают, оказалось, тоже не знают. И вдруг идет такой чупурной, при галстукe, костюм хороший, с папкой кожаной под рукой.

— Извините, пожалуйста, вот обходная на увольнение, чтобы ехать на комсомольскую стройку. Чтобы ее подписали, нужна библиотека Марксизма-Ленинизма. А я не могу ее найти. Может, вы подскажете?

— Да, подскажу. Где школа ФЗО, трамвайное кольцо.

— Спасибо!

А.Е. Фильковский (в центре) и его бригада

Я ее почти неделю ищу. А она в подвале ФЗО.

— Вы нашей библиотекой пользуетесь?

— Нет.

— Проверим. Ваш паспорт...

Проверили карточку, карточки нет. Подписали. Слава богу, подписали!

И вот шел наш герой по железной дороге обратно, смотрит, догоняют на дрезине двое. Он в сторону, а те остановились. Оказалось, это были главный инженер и начальник дороги Штольвин. Последний как начал ругаться: «Ну, мужик! Все-таки уволился... Я бы тебя на курсы отправил. Вечернюю школу бы окончил, курсы, а сейчас — куда? Землю копать? Комаров в тайге кормить? Дурак! А жалко мне тебя! Но ладно, если что, приходи ко мне. А там все будет: и холодно и голодно. Вот вспомнишь меня тогда!» Ругался всю дорогу, но до конторы довез...

Действительно, старшее поколение в общей своей массе смотрело на комсомольцев, решивших связать свою судьбу со стройками, как на дурачков, на романтиков, в лучшем случае. Молодость чем-то сходна с пиратством, которое, презирая «грошевой уют», рвется в бой, в неизведанное, не знает страха, не требует наград. Но чутко запоминают молодые сердца то мещанское непонимание, которое хочет обратить их свободный поиск в стяжание денег, славы и других, пускай даже самых прекрасных материальных благ, подменяя их отсутствием душевного покоя, ощущением неправоты на глубинном уровне.

Молодые силы, именно Силы, были крайне необходимы тогда стране. А про них говорили: «Куда это зелень неоперившаяся собирается? Никак на эту самую «лепию»? Гм, да им и автобус дают. С комфортом, видно, хотят на тот свет отправить...

Дальше все было просто. Сдал Анатолий Емельянович обходной лист, выдали ему трудовую книжку. После этого он пошел в горком комсомола получать комсомольскую путевку, а дальше с путевкой в управление СМУ по сооружению ЛЭП Нижнеангарск-

стройка, где он был оформлен рабочим по 3-ему разряду. И сразу же объявили, что завтра на машине повезут всех на участок.

«Набралось нас человек двадцать, — вспоминает свое боевое крещение Анатолий Емельянович, — привезли всех в поселок Тайтурка, который находится за Усольем, на берегу реки Белой. Там уже стояли палатки и работали бригады. По приезду нас поселили в палатку всех вместе: мальчишки — девчонки. У нас был второй участок. А мастером нашего участка был Федор Скакун, коммунист, до этого он работал мастером на Иркутской ГЭС. Он объяснил нам, что будем копать котлованы под фундаменты опор линии электропередач ЛЭП-220 кВ».

Участок только что организовался, но работа шла полным ходом. Одна бригада копала землю, делала и устанавливала опалубку. Ее бригадиром был А. Комаров. А на берегу Белой стояла бетономешалка. У нее работали девчонки, носили к ней гравий. Было их человек двенадцать. И бригадиром у них была Анна Павловна Тюрина. Остальные девочки-трудяги копали землю котлованов. Тут по полям леса не было, посевы были уже убраны, и копать было легче, чем в тайге.

Приехавшие девчонки и мальчишки распределялись по звеньям, включались в работу. Только сразу про заработок не думали. А землю копать без привычки ой-ой, как нелегко. И вот три дня прокопали землю, а потом пришла депеша с управления — ехать в колхоз копать картошку для своей организации. За начальника ехал прораб Петр Евсеевич Поцеловкин. Обещали задействовать две бригады (25 человек) на три дня.

— А постель брать?

— По покрывалу возьмите. Продукты колхоз будет давать. А на сегодня — возьмите в магазине. Должны две машины бортовые приехать — вездеходы.

Ехали на три дня. Только вот дождя чтобы не было, а он как нарочно пошел. Прораб ругается. Но что поделаешь. Со стороны комсомольцев никаких возражений нет. Ведь комсомольцы — до-

бровольцы... А ехать с базы участка, наверное, было километров сто. А на машинах только сиденья голые. Ну что ж, накинули покрывало, одеяло байковое и так едем, а дождь идет хороший. Приехали, наш прораб Петр Евсеевич сходил в контору, пришел, говорит:

— Надо ехать на стан и там жить, но сегодня, пока идет дождь, будем ночевать тут в клубе. Но, ничего, привезем соломы с поля, на соломе переспим.

— Как с ужином?

— Да сегодня обойдемся.

А вот солома сырая и сами мокрые, а дождь все идет, но духом не падаем. Все еще впереди! Ну, конечно, кто-то предложил по такому случаю для знакомства, да и все мокрые: «Может, возьмем для сугрева?» «Можно». И давай распределяться, кто где. А клуб для деревни хороший, просторный построили, внутри по стенам балконы. Кто-то на балкон соломы натащил, и скамейки составили рядом а на них соломы положили. Солома хоть и мокрая, а все ж теплее. Одно покрывало на солому накинули, втроем легли, а дву-

А.Е. Фильковский (слева сидя) и бригада

мя покрывалами укрылись. И так пришлось трое суток ночевать. Все это время шел сильный дождь.

Потом вывезли на стан, рядом поле с картошкой, а на стану — один дом большой и амбар двухэтажный. Распределились так: одна бригада в дом, вторая в амбар (жеребий тянули: кто, куда). Из-за дождя в клубе время потеряли, но колхоз на питание мясо дал, овощи. Готовили по очереди свои девчонки. Досыта кормили. Так, ехали на три дня, а получился месяц. К концу сентября выкопали. И одну бригаду отправили на постоянную работу, а одну оставили грузить на машины россыпью, а картошка лежит в кучах, закрыта соломой. Помогли выдернуть турнепс на поле. А живем в амбаре. Бурят-бригадир говорит: «Вот так помощь! Мы хотели окончание уборки самогонкой тарасун отметить. Делали, в амбар ставили, а я смотрю, нету». Приехал секретарь обкома комсомола Арбатский. И бригадир жалуется ему: «А ваши ребята с амбара самогонку утащили, нехорошо сделали!» А Арбатский:

— Да вас судить надо, мы за здоровый образ жизни! Разберемся!

— Но ребята хорошо работали, погода плохая была, дожди шли, земля сырая, картошка грязная. Они ее перебирали, сушили, чтобы везти чистую. Спасибо вашей организации. Хорошо помогали. Мы им мясо давали, овощи, молоко, мед, вот только в каких условиях жили парни, девки, у нас по столько командированных не было. Ну а самогонка, так это хорошо. Вот и посуда была с управления СМУ ЛЭП 220.

По окончании заготовки картофеля и овощей нас привезли на участок в палатки, что стояли на берегу речки Белой. Тут и был бетонный узел. Это наши, что оставались в палатке, что в чемоданах, у кого в сумках, рюкзаках, а в них все вещи заплесневели, у девчонок платья кофты за месяц сырости. Вот что, грустно. А ребята, которые оставались, рассказывают: «Был буран, сильный ветер, из-под палаток выдувало и — в речку, туда и кастрюли и сковородки, все, что не могли схватить, летело. Хотя бы удержать палатки. Вот такое комсомольское крещение на трассе ЛЭП.

Но дело к морозам, к зиме. Пока мы были на копке картофеля с прорабом и он командовал участком, Петр Евсеевич Поцеловкин, коммунист, опытный начальник, ранее работавший на западных в Подмоскowie, и направленный как специалист ЛЭП 220. А нас с уборки встречал начальник участка № 2, присланный из Москвы по путевке, как коммунист, грамотный инженер Абрам Абрамович Руманов. Познакомился он с нами и говорит: «Товарищи комсомольцы, трасса будет проходить все дальше от мест нашего временного проживания. Сейчас пока есть близко населенные пункты и дело к зиме, будем переезжать с этих палаток и расквартировываться. Комендант СМУ ЛЭП 220 кВ будет заключать договоры с хозяевами и колхозами, в которых есть общежития. А для питания организуем котлопункт. Народа будет много. Будет бригада лесорубов, бригада, которая будет котлованы копать, бригада, которая будет устанавливать опалубку, шаблоны под анкерные болты. А начнутся морозы, котлованы с опалубкой нужно накрывать и ставить железные печки, топить бетон, обогревать, пока наберет нужную твердость. А бригада бетонщиков отсюда переезжает в деревню «Узкий Луг», и все там будут расквартированы, это будет бригада девушек, бригадир Тюрина Анна Павловна, мастером у них будет Федор Скакун. Бригада плотников, это парни по изготовлению опалубки, шаблоны для анкерных болтов, пробки вставляя под шаблоны.

Что помню, конечно, всякое было и не забыто мною. Комсомольскую путевку Ангарского Гор комитета ВКСМ, направление на строительство 30.08.1955 г Братской ГЭС и высоковольтной линии ЛЭП 220 кВ. Иркутск-Братск

Как я попал на комсомольскую стройку СМУ-ЛЭП 220 кВ.

После демобилизации я приехал жить в Ангарск, к родным. Профессии у меня не было, и я не знал, куда поступать на работу. Хотя до армии, в колхозе я плотничал, правда, в то время трудовых книжек не было. А как демобилизовался, поступил в Китой Комбинатская железная КЭКДТ № 16 путейцем 4-го разряда. А пришел, посмотрел, и захотел романтики настоящей.

Ну так вот, А.А. Руманов, начальник участка № 2, все объяснял хорошо. Грамотно по производству работ. И тут сам себя охарактеризовал: «В таких условиях я работать не могу. Я инженерный работник, у меня должен быть стол, документация на столе, а не так, как сейчас: папка с документацией, чертежами на всю линию. И ходить пешком по линии, чтобы знать, где какой фундамент по чертежу, а ветер вырывает из рук чертежи и ходить пешком по вспаханной зяби от пикета к пикету.»

Но сразу видно было, что он долго не задержится. Ведь он уже в годах, пожилого возраста, а ходить так, как он одет: сапоги кожаные, брюки кожаные, куртка кожаная, безрукавка кожаная, паль-

А.Е. Фильковский

то кожаное, фуражка тоже, ну и верно, ходить в таком одеянии и еще с большой папкой: на ноги был легкий, но и с рабочими был жесткий, требовательный. И первое собрание состоялось в деревне Холмушино, на собрание приехал начальник ЛЭП 220 кВ. Южаков А.С. говорил: «Наша задача быстрее построить до Братска от Иркутска ГЭС». Начали некоторые выкрикивать: «Вот втянемся, дело пойдет быстрее, и котлованы копать надо, у лопат черен-

ки быстро отламываются, а тут некоторые парни уже наловчились, подсказывают: «А вы не берите всю землю, чтобы побольше поддеть. Лопата тоже не любит, чтобы ее насильовали, тогда она не будет ломаться. А вот плотники должны черенки насаживать поудобней, а то лопату с землей подденешь, а она в руках выворачивается, а от неудобства и мозоли на ладонях, а если выдают, вот это дело, чтобы они были крепко сшиты, а так на полдня хватит, они по шву расплзутся. А тут девчонки тоже говорят, бетонщицы, что работают на бетономешалке, лопаты совковые плохо насажены, в руках выкручиваются и верхонки плохие, сразу рвутся, а носилки без рукавиц носить — во мозоли какие! Вопрос к Южакову. Надо, чтобы аптечки в бригадах были.

— Это все будет. Сейчас у нас идет организационный период, и склад, и постельная, матрацы, покрывала, вся спецовка, а верхонки у бригадиров всегда в запасе на смену. И весь необходимый инструмент. Вот вас будем расселять по квартирам, чтобы не было

Установка опоры ЛЭП. А.Е. Фильковский 2-ой справа

с местными конфликтов. Я вас предупреждаю, кто будет выпивать и нарушать трудовую дисциплину. Вы этого не должны допустить. А я буду вас часто навещать, и, если увижу пьяного, буду сразу отправлять в отдел кадров. Есть такие случаи на участках, у вас комсомолец Каплин был пьяный. Вас всех рекомендовали как лучших производственников, которые только со школы, закончили техникум, все взрослые. Вижу среди вас много девушек, и они не считаются со временем. Это бригада Тюриной Л.П. От бригады по приготовлению на вашем участке № 2 одна постоянная, ваш участок расселятся от Тайтурки речки Белой до Зимы, речка Ока. Бригада по укладке бетона, бригадир Орлов А., бригада плотников по установке опалубки, шаблонов для подвешивания анкерных болтов после затвердения бетона снять ремонтировать и дальше, на следующий пикет работа опалубщиков сложная. Чтобы при укладке бетона, чтобы опалубка не развалилась, не расперло крепление, (как бы сразу проводил инструктаж по технике безопасности, пока мастеров на каждую бригаду нет, а бригадиров ставить с хорошими организаторскими способностями).

А сейчас у вас начальник участка № 2: Руманов Абрам Абрамович, прораб Поцеловкин, мастер Скакун Федор, специалисты по строительству на стройках на иркутской ГЭС.

Машины надо. А то в самосвале опалубку везти и бригада восемь человек в кузове, на опалубке, и нас земляков тоже в самосвале, а кузов в бетоне. А одна бортовая появится и ушла. Вот появилась и развезти по квартирам. Это в деревню «Узкий Луг». Бригада по приготовлению бетона и укладке бетона пикетах. Плотники по изготовлению опалубки и бригада установщиков опалубки. Контора участка будет в селе Верхний Булай на зиму, пока здесь близко населенные пункты. Вы расселитесь кто с кем, сколько может взять на квартиру хозяин. Оплачивать за проживание СМУ ЛЭП 220 кВ будет договор, еще будет комендант, и еще повторяю, чтобы не было жалоб от населения. Это первое наше собрание. На этом давайте закончим. О чем говорили, какие требования к вам от меня

что зависит, буду обеспечивать вас. Конечно, будут трудности. От нас наша партия требует скорей в сжатые сроки построить ЛЭП 220 кВ от Иркутской ГЭС до Братска. Чтобы построить плотину для Братской ГЭС. Скоро будут пущены первые агрегаты, будут вырабатывать ток для промышленности. Как только пустят первые агрегаты, сразу станет необходима ЛЭП 220 кВ, чтобы ускорить линии, будем на работу принимать местное население на разные работы: просеку пилить, лес рубить, чистить и убирать с просеки. Будем принимать тракторы из местного, все это организуем вот на первом участке от Иркутска берем в аренду трактора у других предприятий. И вам должны привезти бульдозер. Уложен бетон, опалубка снята, нужно делать обратную засыпку котлована. Дело к зиме, чтобы котлованы снегом не засыпало, да и ветра здесь по полям сильные. На первый участок уже поступают опоры на трассу ЛЭП, и бригада монтажников комплектуется для сборки опор и подъема опор. Выдали чертежи некоторые, пикеты, фундаменты, чтобы меньше бетона укладывать, заливать только внизу. Общая, как подушка, на пикете ставится шаблон, на него подвешиваются анкерные болты и заливают шестьдесят сантиметров бетона, а потом сверху будут сборные блоки, с завода ЖБИ на станции. Дальше с вами будет работать начальник участка, прораб, мастер, все вопросы по работе, по быту к ним. Будет инженер на участке. Пока нету, а Абрам Абрамовичу надо с коллективом сработаться. А то выкриков много на вас с жалобами. Люди молодые, лучше объяснить, вы их должны обучать, разъяснять им, чтобы они поняли дело. Идут вот на днях на первом участке, поднимут вблизи Ангарска первую анкерную металлическую опору. Вам металл будет в марте. Но основные требования: земляные работы, а по трассе разные грунты, и скапывание, и болота, и вырубка леса, расчистка, поджог сучков. Работа тяжелая, мужская, а девчонок много, что их обрабатывать, кто это говорит. Неправда! Возьмите, скажем на бетонном узле, там одни девушки, бригада. Они норму перевыполняют и со временем не считаются, у них нет ни одного парня.

Один мастер у него в подчинении, бригада по укладке бетона на пикете, бригада по установке и разборке опалубки, бригада плотников, а у них полностью укомплектована дружная. Бывают перемены, так они еще и песни поют. А песня их ободряет, несмотря на тяжелую работу. Бригадир Тюрнева Анна хороший организатор, бригада, руководимая ею, сплоченная. Достойна похвалы бригада Краморова Александра — землекопы. Бригада по укладке бетона, бригадир Орлова Александра, бригада по установке опалубки, бригада плотников Дягин А., но он был грубый и его сняли за это. После назначили меня, но я недолго был бригадиром плотников. Подходит мастер Скакун Федор и говорит, дай из бригады двоих рабочих на установку блоков, где залиты в котлованах, только как подушки внизу стоят анкерные болты. Там бригадир Береговой Николай, они с Ангарска, у него есть четыре человека, они с первого участка, у них трубоукладчик, но нужно два человека чистить котлованы, а меня возьмешь? Давай! Ну раз берешь, тогда возьму Депутова Генку, а бригадиром кого? Опять его, которого сняли? Но руководить можно и здесь, на бетонном узле (так называли место, где поставили бетономешалку) в Тайтурке она стояла под открытым небом. А здесь нужно сделать крышу, тут мы будем работать зиму, чтобы ее снегом не заваливало. Тепляк для обогрева, чтобы девчонки забегали обогреться. И так все организовали на новом месте. Поставили передвижную электростанцию, чтобы вращать бетономешалку, качать воду в емкость насосом. Сделали эстакаду для погрузки гравия на острове, хотя это место подготовили раньше, вот только не было столовой, с питанием плохо было, не организовано сразу. Наступали холода. Колхоз освободит бывшее общежитие, подготовит, сделают ремонт, и в этом будут столовая и магазин для лэповцев. Будут продукты. И вот подходит праздник, и прораб Поцеловкин П.Е. на первом участке предлагает: кто желает, поедем на митинг по случаю поднятия первой анкерной опоры. Конечно, желающих много (это возле Ангарска, деревня Биликтуй), собрались народу сотни две, а то и больше. Анкерная

опора металлическая уже стояла, было много руководства из области, управляющий СМУ-ЛЭП Южаков А.С., секретарь обкома комсомола Арбатский М.И., рабочие монтажники первого участка. Меня это не интересовало, а вот выступление оратора, вот это да, это выступление, задело, тревожно стало на душе. «Товарищи, сегодня в восточной Сибири в Иркутской области поднята первая металлическая анкерная опора, на нее будет подвешен провод, и с иркутской ГЭС после пуска в эксплуатацию, потечет ток.

Нужна линия электропередачи ЛЭП 220 кВ для строительства Братской ГЭС, нужно в сжатые сроки построить высоковольтную линию. Поэтому объявили эту линию комсомольской стройкой, в которой будут участвовать посланцы Ленинского комсомола всех союзных республик. Сейчас делаем начало, обком комсомола обратится с призывом ко всем районам области направить молодежь по комсомольским путевкам на стройки области. А сейчас вот подходит праздник 7 ноября. Поздравляем вас с праздником, желаем здоровья, счастья и успехов в труде, в семья. После праздника, как говорят, отдохнули, и за работу. За стойкость характера на рабочих местах».

Деревня Узкий Луг стоит на берегу речки Белой, река замерзла, над речкой туман, самосвалы замерзли, к зиме не подготовлены, у некоторых и рукоятки нет, паяльной лампы нет подогреть движок, вода холодная в радиаторе, двигатель не заводится. Которые опытные, лампы заранее припасли. Лампой мотор греет, ведро воды на костре греет, тот и быстрее заведет, чтобы механика на участке не было, а начальник участка, москвич Абрам Абрамович, сбежал, уволился, прораб Поцеловкин П.Е. еще праздник справляет, оба коммунисты, оба пожилые, а нам, молодежи с кого пример брать?

Ладно, до праздника сюда дров подвезли, разожгли костер, греемся тут, и шофера подойдут погрееются, некоторые говорят, это не работа. Ладно электростанция работает, хотя туман густой. Подходит мастер Скаун Федор: «Костер надо положить на гравий, надо греть, и чтобы вода горячая была для замеса бетона. Холод-

ный гравий и холодная вода, она в бетономешалке замерзает. Чтобы кузов не примерз, стали кузова утеплять войлоком и фанерой с поднизу кузова, а сверху кузова — мешковина и войлок. И все равно, пока довезут до пикета, он в кузове схватывается. После, в опалубке нужно вибратор, а их не было, вибраторов, уплотняли толкушками, простукивали по опалубке для плотности бетона. Одни с кузова сгребают в лоток, а с лотка в опалубку. Как только машины что-то задержались, бетонщики без работы, а одеты в резиновые сапоги, теплушки нету. Благо, солома по полю, поджигали и грелись. А потом колхоз «Прогресс», предъявил счет за солому и что у них на территории брали на реке гравий, к осени вода ушла, обмелела, много гравия было, председатель колхоза предъявил штраф, хотя в то время не считались ни с чем, где должна линия ЛЭП пройти. И за солому заплатили через суд, а за гравий было разъяснение: все полезные ископаемые, где бы, на чьей территории — это собственность государства. Конечно, какие бы препятствия ни возникали, люди работали. Много препятствий было: морозы, ветра, бураны — всем нелегко было. И землю копать, особенно по лесистой местности. Это по полю, котлован разбит, бери свой инструмент — лопата штыковая, лопата совковая, лом на звено. В звене было четыре парня, две девчонки, а некоторые девчонки сразу группировались — одни девчонки, без парней. Они могли всю тяжелую работу выполнять: и ломом мерзлую землю долбить, и кувалдой по клину бить, некоторым парням на удивление. Это были наши сибирские девочки, и многие из районов сельской местности направлены по комсомольской путевке, а также поступали и местные, где проходила трасса ЛЭП 220 кВ. А морозы стояли, и бетон нужно было обогревать, котлован с уложенным бетоном сверху накрывали палаткой, ставили железные печи, и они по одной сутками дежурили в котловане. Конечно, дрова им подвозили, а колоть, они сами справлялись. А инструктаж такой: заморозить бетон, считается вредительство. Потом, как тепло будет, он развалится, и столько вложенного труда пропадет.

И все-таки один фундамент замерз. Когда пошла комиссия с проверкой и осмотром фундаментов, где опалубка не снята и опоры уже стояли, провод подвешен. Как сказать, это государственная комиссия, и один обнаружили в болоте двести двадцать девятый пикет. Опалубка не снята, а на фундаменте опора стоит, на опоре провод подвешен. А это было уже к завершению. Как быть? Нужно отремонтировать, а к опоре не подъехать, от берега далеко — 150 метров. Гравий навозили до этого места, но его нужно носить до пикета на носилках, а вокруг болото. Это должна исправить та бригада, которая укладывала здесь бетон, а как, кого обвинить? Может, привезли уже мороженный в кузове машины, а его делали, успевали скорей, пока морозы, чтоб можно было по болоту проехать. Вот и получилась спешка. А делали его в 1956 г. А вот отремонтировать назначили меня, как бы наказание за чужие грехи. Я подаю в 1957 заявление в октябре. Я увольняюсь, линия заканчивается, в Братск я не поеду, квартиры нету, а у меня маленький ребенок. В Ангарск поеду.

— Нет, просим тебя отремонтировать.

— А вы просите того «героя» Ваську Удалого. Что в газете писали — Трасса смелых. У него комплексная бригада, он работает в воскресенье, а меня пьяного под руки водят. Почему вы тогда не заступились за меня, за эту неправду? Как раз наоборот, он пил и деревенских парней флотским ремнем гонял.

— Тебе говорили: пиши опровержение. В этом и смысл трассы смелых. А что он мог делать? Да водку пить и землю копать! В этом он и смелый!

Это я говорил старшему прорабу и прорабу. И все-таки согласился переделать фундамент на страх и риск.

Первое, воду откачивать, но надо к пикету подтащить, а болото бригадой не засыпешь. Бригаду собрали 12 человек: шесть девчонок, чтобы они гравий носили на расстоянии 150 метров, а нам сперва воду откачать. Благо, он не засыпан, а только что края обвалились на половину котлована, а сверху вода. Но делать надо.

Возле болота поставили палатку. Мужикам в палатке жить, а девчонок в деревню на квартиру шофер увозил, и он там ночевал, утром привозил. А мы жили в палатке, и ночью вычерпывали воду из котлована. Вода поступала только снизу, из-под земли. Но через какое-то время нужно было вычерпывать, иначе вода поднималась, а стенки сплывали, а так выкопали прямо ниже бетона, огородили досками типа колодца. Работать было опасно, опора стояла с проводом, нагрузка на фундамент, а он очень слабый, чуть пошевелишь: рассыпается. Благо, ветра не было, стояла тихая погода. Приехал прораб, привезли досок, машину андиженец (это одноцилиндровый движок, откачивать воду с котлом). Но его нужно доставить к пикету котлована, а расстояние: сто пятьдесят метров; бригадой не занесешь, нужно тащить машиной. Через якорь, это крепко стоящее дерево, а его близко нет. Тогда один выход: привязывать блок к опоре на трос и через блок тянуть машиной. Это заранее все обсудили, оговорили, что нужно доски расстелить от берега болота до пикета, чтобы ходить с носилками. Швеллер пластины для выкладки под пяту ноги. А вот потянем насос андиженец, не завалим опору? Ну, будем пробовать. Растянули трос через блок. Я прорабу говорю: «Давай команду шоферу тянуть». Прораб мне: «Ты бригадир и командуй, а я буду на опору смотреть, как она выдержит». А я бы хотел, чтобы он тут постоянно и командовал и присутствовал. Ну ладно.

Тут был еще один парень смышленный. Ему говорю: «Коля, пойдем, ты станешь на подножку машины, смотри на меня, на мою руку. Моя рука вверх: потихоньку тяните, опустил: стоп, сразу остановись, чтобы не навредить. Девчонки в стороне стоят. Прораб на опору смотрит, и рядом возле него парень, а сверху облака кучевые плывут. И один возьми да крикни: «Заурбек, опора валится!» Он как взглянул вверх, а тучи плывут, и, кажется, опора падает. Испуг хороший схватил, да как в сторону побежал по кочкам, запнулся, упал. В бригаде поняли, что это шутка. На смех подняли. Обиделся, что над прорабом смеются. Конечно, сам признался, что испугался.

Андиженец насос затащили. Только как он будет работать-заводиться? Моторист с ним приехал. Нужно только маховик раскрутить сильно. Заведется и пускай молотит.

Вопрос к прорабу. Его звали Заурбек Игнатьевич: жить, работать и как нам питаться? Столовая в поселке Забитуй, только в обед работает. А в магазинах фруктовые консервы, кукуруза и та с яблоками. А консервы никакой нет, ни мясной, ни рыбной. В это время в космос Стрелка с Белкой полетели и все забрали с собой, а нам как тут быть?

— Автолавку отправлю к вам.

Да, но раз приехали, будем работать. От дороги постлали доски, типа тротуара. Мужикам на месте работать, но в грязи, в воде. А вот девчонкам за 150 метров 15 кубов гравия в носилках перенести. Я смотрел на них, вот кого жалко! В носилки гравия наложишь вроде бы мало, а вес 40-50 килограмм. Вес одного кубометра гравия 7600 кг. Вот им сколько ходок нужно сделать за день. Как руки натягивало этими носилками. Я пожалел их руки. Из веревки сделал лямки под руки на шею, но все равно, ходить-носить. И ходили, носили безотказно. Вот их всех не помню: Маша Зуева, Люба Быкова, Тамара Кульбиченко, а их было шесть. Сколько они перенесли этого гравия, пока все фундаменты сделали! Они работали не за славу, а за то, что их родители приучили к труду. Так, как их родители во время войны работали, не знали отдыха. Какая бы у нас на болоте трудная работа ни была, а девчонкам тяжело. Но мы задание выполнили, и фундамент под опорой сделали. Благо рядом колхозная картошка (поле рядом). Картошку пекли на костре, а воды целое болото.

С этим болотом я вперед забежал. А вообще, мы все на линии работали, землю копали несколько бригад, все вручную. Об экскаваторах и речи не было. Машин мало, бульдозеров раз, два и обчелся. Гравий с речки возить, сгребать для эстакады, на трассе просеку хотя бы по оси линии убрать. А вообще зима трудная была. Снегу много было. Дорогу прочистишь, бульдозер пройдет,

ее обратно снегом, ветром, бураном задувает так плотно, что бульдозер по-новому рядом прочищает, а машины, груженные бетоном, ждут проезд. И были случаи, бетон в машине замерзал, тогда ломами долбят и выбрасывают в сторону. Получается напрасный труд, и винить некого. Но Южаков Александр Степанович обвинял начальников участка № 2 за неорганизованность с осени до весны. Сменил троих: Руманов, Уханов, Поцеловкин. Петр Евсеич Поцеловкин снимался-понижался, но как специалист продолжал работать.

В мае месяце 1956-го, в Тулуне Наймушин И.И. устроил партийно-комсомольский хозяйственный актив с обращением в райком об оказании помощи. Чтобы там, где проходит линия ЛЭП, давали машины, тракторы, в расквартировании людей. Собрание было бурное, много было выступающих, после собрания был концерт: артисты из Москвы: Василий Гурза, Ладынина и другие. Но Наймушин И.И. требовал одно: ускорить строительство линии электропередач. Людей стали принимать целыми бригадами. И землю копать, просеку чистить, чтобы все порубочные остатки сжигать. Тут реплика: «Сырое не горит!»

— Обливайте соляжкой и жгите.

— Но лето, жечь нельзя. Но чтобы лесных пожаров не было...

Конечно, после этого собрания работа пошла быстрее, требовательней, строже. Некоторым коммунистам тут на собрании выговор объявил с занесением в личную карточку. Через месяц опять собирает в Заларях, в доме культуры, с тем же обращением к руководству Района. Чтобы помогали какой техникой, автомашинами по вывозке со станций железнодорожных тупиков. С гравием начались проблемы, от рек стали удаляться, а дорог грунтовых нет. Дожди идут часто. На дорогах грязь. Автомашины пройти не могут. Обратились в колхоз, чтобы дали трактор, чтобы протащить на какое-то расстояние, и тут больших уговоров не было.

А был такой случай. Это уже в конце работ на линии. Нуж-

но залить бетон, так называли оголовник, поставить опалубку и болты анкерные. И вот для бетона из Ангарска привезли цемент. Россыпью на линии у опор поставили деревянные ящики, в них насыпали цемент и ящики ничем не прикрыли. Время к ночи и туча штормовая идет, ветер, дождь, все пропадет. Тонны две цемента. На самосвале не проехать. И вот пошел я в колхоз. И конюху дежурному говорю. Вот так и так. Там цемент в ящиках, что ветром выдует, что дождем зальет, на самосвале не проехать. Дай, пожалуйста, коня, в телегу запрягу, рубероид возьму, чтобы закрыть ящики. Может, выручишь? Он говорит: «Коней всех угнали на ночь пасти»

— Как же быть?

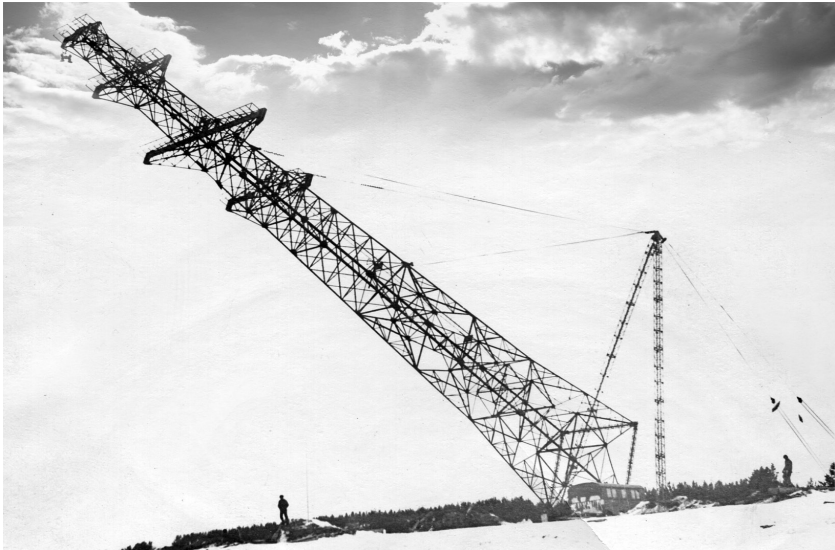
— Вот только два жеребца в стойке стоят, ты можешь ездить?

— Да я сам в колхозе до армии жил.

— Так тогда запрягай жеребца в ходок, я посмотрю, а так он спокойный.

Я запряг. Ну что поедем? Ему говорю.

— Нет паря, у меня плашша нет, а так вымокну.

Установка опоры ЛЭП

А это от деревни километров пять. Так что хочу сказать, этот мужик меня лично не знал, кроме как слышал: лэповцы еще работают, что-то делают. Вот такая была взаимная выручка и доверие, не то, что сейчас.

Итак, нас было две бригады по заливке оголовников. Женская, от Зимы, от речки Ока, а моя от речки Белой. Нужно гайки анкерных болтов подтянуть гаечным ключом. Поставить опалубку вокруг стойки ног и залить бетоном сверж монолитки. В там, где был сборный фундамент, блоки ставили, а нижний на монолитную подушку. После установки образовался колодезь, в середке анкерные болты, вот эти колодца заливать, а сверху оголовник бетон. С нами была мастер, она контролировала, такая придирчивая. И где-то у девчонки просмотрела, шайба под гайкой слабо затянута, а комиссия по приемке линий ездит. А мы что до обеда сделали. Приезжаем с обеда, смотрим: все разворочали. У нас подозрение на деревенских пацанов. Пошли смотреть, где раньше сделано. Первые свежие все подряд развалили, уехали, и мы не знаем, кто. Грех на пацанов, а узнали, они не виноваты. Наша мастер Дохова, как мы ее заочно звали, блатная старуха, у пацанов узнала, что на легковой машине мужики ездили и они ломали. Обнаружить какой-то дефект всегда можно и легко, а как сами свою работу, это незаметно.

И вот эта комиссия принимает покраску опор. Опоры красили суриком, в нее добавляли олифу. А красили раньше непрофессионалы, а простые девчонки, которые копали землю, делали бетон. Тут безо всякой комиссии, без допуска на верхолазные работы по покраске опор девчонки работали. Красили опоры, лазали по горячему металлу. А металл, уголок на заводе плавил, ударно, скорей план выполнять, и хорошего качества не получалось. На прокате уголка оставались лепешки, и их нужно было счистить металлической щеткой. А как их счистить, если они как припаяны! И так с лепешками и красили. Около двадцати опор покрасили, и пошла комиссия принимать покраску и сразу выявила брак. В комиссии вооружились не металлическими щетками, а складными

ножами. И стали этими ножами отковыривать лепешки. Запретили красить, и сказали, что к оплате не подлежит. Месяц работали на жаре, соляжкой, бензином отмывались от краски. И какие нервы после этого у девчонок. А это звено по покраске было у меня в бригаде. И я не согласен с комиссией, я настаиваю повторно, в присутствии меня осмотреть, доказываю, что всю опору невозможно ободрать. И не ножом, а щеткой металлической. Пришли, попробовали сделать, как хотели, и согласились оплатить.

После этого скандала я отказался от покраски опор. Тогда собрали полностью большую женскую бригаду, закрепили мастера по покраске опор, и еще оставалась бригада мужиков, отдельно от девчонок. Тут лишь бы скорей, и про комиссию забыли.

Все проблемы с бетонированием фундамента, не хватало гравия, с речки возить машинами — далеко. И поэтому возили вагонами по железной дороге. В это время бетон не делали, потому что самосвалы все уходили на вывозку со станции гравия, а бригады бетонщиков, девочки, что на бетонном узле, снимались вы-

Как молоды мы были!

гружать и сразу грузить в самосвалы. Так же работали парни, что укладывали бетон на пикетах. Но это мужики, они и должны в полную силу работать. А вот девчонки работали, как можно сказать, рабыни. И никто их не подменял. Это можно сравнить с тем, как женщины работали на железной дороге: бьют костыли кувалдой и носят шпалы. А наши лэповские выходили замуж и беременные были, и они и виду не подавали, что им тяжело. А зимой — холод, мороз, а они в кузове, в машине бортовой едут на работу, а потом с работы. Это и была комсомольская молодежь.

Но сроки были сжатые. Техники мало. Автомашин, тракторов. А что было старое, больше на ремонте стояло, а с техникой и люди, которые на ней работали. А тут условия полевые, и эти люди часто не выдерживали, увольнялись и приходили другие на эту технику. Мужики в возрасте, и ремонтирует, чтобы ей работать, и сделает на совесть, и машина стала другая, и он за ней следит и деньги зарабатывает. И таких было много. Всех по фамильно не перечислить. Зимой на улице под открытым небом, а они к восьми утра заведут свою, начинают другим помогать, на буксире таскают, чтобы завести. И были молодые, с армии демобилизованные, с комсомольскими путевками, получали машины, работали. Некоторым пожилым на зависть. А учились в армии и получали права, а работали как опытные и с такой смекалкой! А на трассе работать, это не то, что в городе. Тут и бездорожье, и крутые горы, и болота. Пришел шофер с большим стажем, 1-ый, 2-ой класс вождения по городу. А на линии, там класс не нужен, а там нужна сноровка и смекалка. Вот такой шофер работает до пенсии и дальше. Они привыкают к коллективу, к этой трассе ЛЭП. Бывает, уволится и опять придет шофером, и живет в вагончике с бригадой, и встает утром раньше бригады, чтобы к восьми утра машина была заведена и готова к работе. Вот только наши законы... На трассу привез, и обязательно вместе с бригадой работать, но ему доплата только за то, что зимой подогревает машину паяльной лампой, и чем сможет, и как сможет. Вот только линейщик идет на пенсию в пятьдесят пять, а все меха-

низаторы с шестидесяти. А жили в одних условиях. А ведь многие механизаторы работают, строят вместе с линейщиками на одном производстве по сорок и больше лет. И после пенсии построившие ЛЭП 220 кВ продолжают работать на строительстве ЛЭП 110 кВ на Коршуниху и ЛЭП 500 кВ Тайшет-Камала. После демобилизации был бетонщиком по укладке бетона фундаментов, после работал на тракторе, крановщиком на тракторном кране, на шестнадцатитонном, устанавливал опоры до ухода на пенсию, вот такой был комсомолец Жданов Владимир Васильевич. Да и многие другие. Ну а как не вспомнить девчонок, это бетонщицы Чиркай Маиса Петровна, Нина Шойко, Курганская (Доровская), Валя Петровна, Тамара Кульбиченко, Люба Быкова, Лида Солдатова, Галя Звездова, Жмурова, Маша Зуева, Люба Гурулева, Валя Козлова, Анна Тюрина, да всех я уж не помню. А их бригада восемнадцать человек, девичья комсомольская.

И за этих девчонок был мне выговор. Это случилось, когда меняли комсомольские билеты в 1956 году в Черемхово, в райкоме комсомола. Сдали старые, и пока оформляли новые. У меня кудри были в то время. Когда ходил фотографироваться, задумал подстричься, а парикмахер уговорил завить кудри на пару. «Я вам закручу, будете, как африканец кудрявый. А фотограф и парикмахер были рядом, в одном доме. Ну и согласился, подправили чуб, сфотографировали, и потом стал кудри вить. Мама моя, то там прижжет, то там. Нажег голову, я неделю не мог до нее дотронуться. А тут такое время и девчонки давай меня обихаживать, в порядок мои кудри приводить, расчесывать, вчетвером крутятся вокруг меня. Тут в коридоре бочок с водой, мочат кудри, расчесывают. А в это время проходил секретарь райкома комсомола, а одна возьми да и чмокнула, ну поцеловал в щеку. А он увидел, как они мне кудри расчесывают. Как только все комсомольские новые билеты выписали, нас было двадцать человек и парни, и девчонки, вызывают меня первого и давай воспитывать. Что это здесь в райкоме комсомола вы себя ведете аморально, это недопустимо, это может привести

к разврату, неправильному образу жизни и созданию неполноценной семьи. Тем более живете в палатке. Но думаю, блин, дурак ты. И вот так всех поочередно воспитывал, и все так возмущались.

Но девчонки взрослые, и парни, которые с армии приходили, находили себе пару, знакомились и женились. Свадьбы делали комсомольские, конечно не в такой роскоши свадебного картежа, а в полевых условиях. Конечно, и дети рождались, и для ребенка не было того, что в домашних условиях, и жены после рождения ребенка уезжали к родителям.

Итак, участок переехал в Верхний Булай, и там сформировалась администрация участка. И моя бригада тоже переехала туда из Узкого Луга. Расквартировались, апрель месяц, на дорогах грязь, снег тает, 1956 год. Решили переждать, пока снег растает, подсохнет земля, и подходит праздник 1 мая. Людей отпустили, кто домой к родителям, кто остался на квартирах. Но людям должны выдать получку. Главный бухгалтер и кассир уехали за деньгами, конечно, никто об этом не знал. Тут объявились любители-охотники, в том числе и я. День субботний, собираюсь со всеми припасами, в рюкзак хлеб, колбаса и остальное, что нужно для сугрева, а также сапоги болотные, все на ходу готово. И прибегает парень, говорит, бери ружье и скорей в контору, тебя ждут. Маленько перекусил на дорогу. На ночь на Аларские озера, это возле Голумети, чтобы пораньше на зорьке уток пострелять. Прихожу по полной боевой в контору, а в конторе вижу зам начальника участка, главного бухгалтера и кассира по зарплате, больше никого нет, да этот парень, который ко мне прибегал, говорил. Я смотрю, что-то не то. Настроение упало. А зам начальника говорит: вот мешок с деньгами, это получка. Сейчас мы людей не соберем, чтобы выдать им зарплату. И нужно, чтобы они не знали, что привезли деньги. Вот тебя вызвали, и тебе доверяем охранять этот мешок, а в мешке мешок, как говорили, «крапивный куль».

— Да вы что! Меня с этим мешком и миллионом убьют и унесут.

— А ты закрывайся и сиди с субботы до понедельника. Вот тебе помощник Юра, вот вам продукты, колбаса, тушенка, банки, сейчас вскипятите чаю, и сидите, никуда не выходите.

— Да вы что? А в уборную?

— Вон ведро, которым пол моют. Ходите в ведро, потом выбросите. Все. Фильковский, тебе доверяем миллион. Вот в мешке пачки, мешок завязываем вязкой, на вязку наливаем сургуч и печать СМУЛЭП 220 кВ нижеангарогэсстрой. Мешок ставят в фанерный шкаф, на него тоже сургуч с этой же печатью — не было простого металлического сейфа, и в конторе в это время не было телефона.

Тебя проинструктировали, вот расписка, читай и распишись, что обязуешься сохранить мешок с деньгами, опечатанный сургучовой печатью, поставленный в шкаф и опечатанный этой же печатью. Распишись до понедельника. Будут ломиться — стреляй!

Но слава богу! Все прошло хорошо. В понедельник часть денег раздали рабочим, которые жили в Верхнем Булае, и которые ближе в других деревнях, и денег еще много осталось. И с понедельника на вторник в ночь опять просят меня и этого парня охранять.

— Вот мешок, проверяй, завязан кругом вязкою, сургучом залит, поставлена печать на мешке. Мешок в шкаф фанерный, на дверцы шкафа вязь, на нее печать. Давай распишись, обязуешься сохранить до вторника.

Дело в том, что эта контора была как гостиница ЛЭП 220 кВ на два-три человека. А велено никого не впускать, а люди возможно просто идут, стучат, конечно, была нервотрепка с такой охраной. Все-таки деньги, и за такую сумму все может быть. Но слава богу, все прошло нормально. Но на других участках люди тоже ждут зарплату. Бригады лесорубов, землекопов, и туда в деревню Глинки (возле Зимы) нужно везти кассира. На какой машине? Начальник участка говорит, бери газ 63 вездеход, по тракту сухо, а там от тракта до Глинок — бездорожье. А зам начальника говорит, на этой машине тебе в кузове трястись. Бери самосвал, в кабине будешь сидеть, а так в кузове трястись 150 км.

Поехали. Это было 27-го апреля, в Черемховском районе снегу не было почти, поля сухие, а тракт вообще сухой. Доехали до Делюра, нужно в сторону ехать, это 15 километров. Отъехали 3 км по лесу, а снегу полметра, и машина провалилась. Ночью наст, днем тепло, снег тает, и наша машина провалилась в снег. Что делать? Моя кассирша плакать. Сама еврейка, а зам начальника еврей, как только могла его заочно и ругала и обзывала, жид, еврей. И меня спрашивает, что делать? До ночи ждать, когда подмерзнет, будет наст, да и потом проедем или нет. Я говорю: «Пошли пешком». Да, я-то одет по-охотничьи, сапоги болотные, плащ, телогрейка, шапка, ружье, как охотник. А она — туфли, чулки и легонькое пальто. Я беру рюкзак, пошли. И тут же по дороге начали сами проваливаться, опять слезы, а идти надо, и не знаем, как дальше. Прошли далеко от своей машины, смотрю навстречу нам стоят на дороге несколько машин, также провалились в снег. Я шел впереди, Лидия Самойловна сзади, меня окликает: «Стой, их там много» «Ну и что? Я иду как охотник и ты иди молча. Они вон у костра стоят, в стороне от машин, иди смелей». У костра греться некогда, дело к вечеру, пока светло надо дойти до деревни. Идти мне-то нормально, но она, бедная, чуть не босиком по снегу. Сам думаю, хотя бы дошла, а то упадет, ноги сведет от переохлаждения, а идти все по лесу. Я по сторонам посматриваю, она это заметила и спрашивает меня: «Ты что все по сторонам смотришь?» «Да я охотник. Может, где какая дичь, вот и смотрю!» Сам думаю про ее думки. Что она думает, что я место выбираю, ее хлопнуть и под колодину спрятать. Вот она потом говорила, что страху натерпелась и чуть ноги не обморозила. Но слава богу, пришла в деревню, успела сколько-то зарплату выдать, и устроили нас ночевать. Все рассказывала, как она со страхом и слезами по снегу 15 километров шла, по колено проваливаясь. Но на удивление, хозяйка уложила ее на русскую печь, хорошо натопленную. Хотя еврейка, но сибирская, переспала на печи и никакой простуды.

В дальнейшем таких случаев не было, а вызывали прораба, и

он получал на бригады, которые в его подчинении. А вот с госбанка стали получать и сопровождать до участка на двух машинах. В первой сидел кассир и прораб как охрана, а во второй я с ружьем сопровождал. Вот такое доверие было мне как комсомольцу.

А фактически, я бригадир, и в бригаде 12 человек — простые рабочие. Шесть шоферов на мазах, два крана к-51, пятинонные грузовые — малая комплексная бригада по доставке грузов со станции на трассу, а также по выгрузке вагонов. Но какие бы трудности ни были, работали не за страх, а за совесть. Такое было понятие о честном труде. Не знаю, как на первом участке, а второй подходил к окончанию земляных работ (это копать котлованы) и по установке блочных фундаментов. Людей переводили на третий участок. Подходил к завершению 1956 год, кто переходит в Братск на строительство ГЭС. А многие переходят на третий участок.

И опять жить в палатках. Это от Тулуна шестьдесят пятый километр. Тайга, лес, и в этом лесу сделали палаточный городок. Когда мы приехали, нам палатки были приготовлены на двадцать два места. Но люди, которые поселились раньше, утеплили их, на полы досок наложили, по бокам прибили досок и засыпали опилками, а крыша — брезент. Таким образом, вся палатка была уже подготовлена к зиме. В ней можно было жить. Сделали комнатки, чтобы девчонки отдельно жили. Поставили перегородку с дверями, чтобы закрывались, а в комнатке: койка, тумбочка. Некоторые девчонки говорили удобней, чем на квартирах. Им даже выдали ночные горшочки, чтобы ночью на мороз на улицу не бегали. А зима была на 1957 год холодная. Благо, дров было много. Специально заготовители сухостою притащат трактором, напилят, чурок наколют, печи железные, бочка напополам разрезана, только дрова, но в меру, чтобы палатка не сгорела. А она горит, пых и нету палатки. Можно сказать, быт в городке был устроен, и столовая была, магазин, баня. А вот на трассе, там всякие казусы были. Как мы приехали на этот участок, лес был свален с корня, но не убран. Котлованы копали не по расчищенной просеке. Девчонке на пикете

что мешало — ручной пилой перепиливали и делали поджог. Чтобы землю оттаять, у них отдельная бригада была. А остальные работы выполняла комплексная бригада, в бригаде 56 человек. Были звенья, самое большое звено было на бетономешалке. А парни, как вспомогательные звенья. С вечера составляю план работ, кто, что делает, кроме девчонок, у них одна постоянная работа — бетон. Здесь пошли фундаменты облегченные, подножки и опоры легче, но первые подножки решили здесь в городке ставить. И чтобы меньше досок на опалубку ушло, выкопали траншеи на каждый подножник отдельно, вложили арматуру, поставили опалубку, только на пол, плиты стойка и пол плиты в траншее, как называется в распор, и залили бетон. А как вытаскивать, нужен мощный кран, чтобы мертвый груз сорвать. И так и они остались там, в земле, как памятники первопроходцев первой линии ЛЭП 220 кВ — 24 подножника. Но это был труднейший участок: болото, лес. Гравий не был припасен. На речки Ия, что протекает в деревне Бурхун, на острове гравий есть, но вода была большая. Позже спала, гравий промерз, бульдозером невозможно было взять, раскладывали костры, как на траншею, после оттаивали, экскаватором грузили на самосвалы. Пока доvezут, он в кузове замерзает, сдолбят ломом, опять греть надо. А январь и февраль 1957 года были очень холодные. Котлованы, которые были раньше выкопаны, заливали водой. И опять нужно было вычистить лед до подошвы котлована, подсыпать на дно гравийную подушку, поставить опалубку, шаблон для анкерных болтов, накрыть брезентом после заливки бетона, поставить анкерную печку. А печи топили, дежурили по суткам, сидели под брезентом. А подогревать печи, топить — трое-четверо суток. Дрова подвозило то звено, которое устанавливало опалубку, а истопниками были только девчонки. Как говорят, слабый пол. Да тут не было слабого пола, а был комсомольский билет. А в комсомоле не было слабых — все одинаковые! И на стройке всем одни условия. Кто как себя поведет.

У нас в палатке девочки на удивление скромные. В выходной

день у себя в комнатке постирают, койка заправлена, простынь с кружевами, на подушке накидушка, тоже кружевная. Кружева сами вязали. А в комнатке, хотя и маленькая, стоит раскладушка, на чурках тумбочка, табуретка, на перегородке над постелью простыня, на ней картинки из журналов. Вот такие были девочки. Конечно, были и неряшливые. Это было, где общая палатка. Все ли выходят на работу, нет больных? Может, нужно к врачу свозить в поселок Гуран? Но простудами редко болели, все-таки полевая закалка и физический труд влияли на здоровье. А девчонки, большинство русские, белоруски и украинки, из других республик не было. Были парни армяне, бригада грузин. Они только землю копали, где денежная работа, но в болото не лезли, и на зиму уезжали домой. Это такой закон. Пока тепло — работают. Правда, со временем не считались. Но за ними контроль нужен, а то сварку начинают, как размет. Котлован, когда ставить опалубку. Она не входит, и опалубщикам нужно дорабатывать. Зимой мерзлый грунт, а они уже уехали и другую бригаду нужно ставить. С начала стройки платили деньгами, а потом сколько начальников сменилось, других ставили. Да и больше стало прорабов, мастеров, и каждый берет самосвал и едет по своим делам или в управление. Машина день простоит, шоферу надо платить, а что он делал для производства? Надо писать туфту. Возил дрова, а где их сожгли? Начальство партия направляла как старых специалистов. Но из них мало было честных руководителей. Конечно, приходили с института. Печков был главным инженером, Хрылев прорабом, Степанов мастером, Плесков прорабом, Забродин — механик. Это молодые специалисты с грамотными распоряжениями, и они жили с нами тоже в палатке.

А в палатке весной становится теплей. И когда идет, бывало, мокрый снег, и на палатку насыплет и с палатки начинает скатываться, да еще ночью, и как дождь на тебя сонного через сито поливает, и спрятаться некуда.

Но какие бы трудности ни были, люди жили и работали, стро-

или ЛЭП 220 кВ. И мне как зам бригадира это было известно. А бригадир, когда землю копали, стал авторитетным. Был он с флота демобилизован сразу по путевке комсомола, приехали несколько человек. Он в звании главстаршина, и его поставили бригадиром. Во флоте, там устав, а быть бригадиром, да еще комплексной бригады, тут устава нету, а нужна твоя сообразительность. А у него этого не было, а авторитет землекопа остался. Звали его Васька Удалов. Жили мы вместе, в одной палатке. У меня угол был отгорожен, комнатка, женатый был. И он женился на москвичке. Валя Козлова, спокойная девчонка. Он день пролежит пьяный. Валя на бетономешалке гравий в носилках потаскает. У меня жена была беременна, и мы в столовую не ходили. А Удалов Васька с женой ходили в столовую. И вот день пьяный пролежит, а Валя с работы придет, он ей кричит: «Валька, пойдешь в столовую, мне жрать принеси». Она покачает головой, принесет, поставит ему на тумбочку. Он лежит. Что в тарелке остынет. Переоденется. Всякая погодка в начале апреля. А палатка стояла под деревом, на дерево насыплет, а потом снег на палатку сыпанет, как дробью по палатке — тук, тук, тук. И спецовку сушили после работы, и в такие ненастья утром надевать одежду, а она мокрая, но печка топится, подогрел, чтобы была теплая, а остатки на тебе высохнут. Тут и шутки, все было, и смех. У другого мокрая, но молча одевается, и в столовую. Столовая тоже в палатке была. Кормили: завтрак, обед и ужин. Это было все хорошо.

И вот парни, которые приехали раньше, выкопали в косогоре ямы и сделали землянки. Тепло, сами для себя готовили. Три землянки по четыре человека. Из этой бригады постоянно четыре человека дежурили на участке, все подсобные работы выполняли, чтобы на бетонном узле вода горячая была. А вода была нужна для бетона и для машин. И костер на гравий класть, дров напилить, наколоть. Благо, лес был рядом, сухостой. Трактором натаскать хлыстов из лесу.

В палатке и клуб был, кино привозили. Конечно, все сразу не

вмещались, но желающих было много. В городке жили дружно, спокойно. Проводили соревнования, стреляли из малокалиберной винтовки, играли в шахматы. Это все организовывал председатель профсоюза Пухов. Даже выезжали в Тулун на районные соревнования. Обязательно, чтобы в команде были девчонки, без них команде очки не зчитывали, хотя и давали призовое место. Соревновались на реке Мичени, на берегу. У нас в команде девочек не было. Было очень холодно. А в городке стреляли с малокалиберной винтовки, и результат был неплохой по очкам — из ста возможных — семьдесят пять – восемьдесят очков. У некоторых парней было хуже.

Зима быстро прошла, и в конце марта мне говорит прораб: «Надо большую бригаду собирать, ты будешь бригадиром. Будете ремонтировать в болоте примороженный бетон. Что разбирается, нужно будет разобрать, поставить сетку, арматуру, поставить опалубку и забетонировать. Будет снег таять, вода пойдет сверху и зальет водой. После ремонта ты поедешь обратно на второй участок строить монтерский пункт, их по линии будет несколько, а сейчас, в первую очередь, надо в Лушках в деревне Александровке, в Тырети и Тулуне, там будет большая подстанция, а ты будешь в Александровке, Аларский район. Там будут дома для монтеров, хоздвор, сарай для скота и гараж для машины, конюшня. Пока возьми людей, чтобы ремонтировать фундамент».

Ну, думаю, ближе к родителям. Да и жена будет рожать, время подходит. И для меня меньше нагрузки. Не то, что здесь бригада, под шестьдесят человек. А считаюсь помощник бригадира. Бригадир водку пьет. А как землю копал, так и остался авторитетом. А сам думаю: «Пускай побегает!» Что он во флоте служил, кем он там был, главстаршина или старший матрос, но ремнем с бляхой деревенских хорошо гонял.

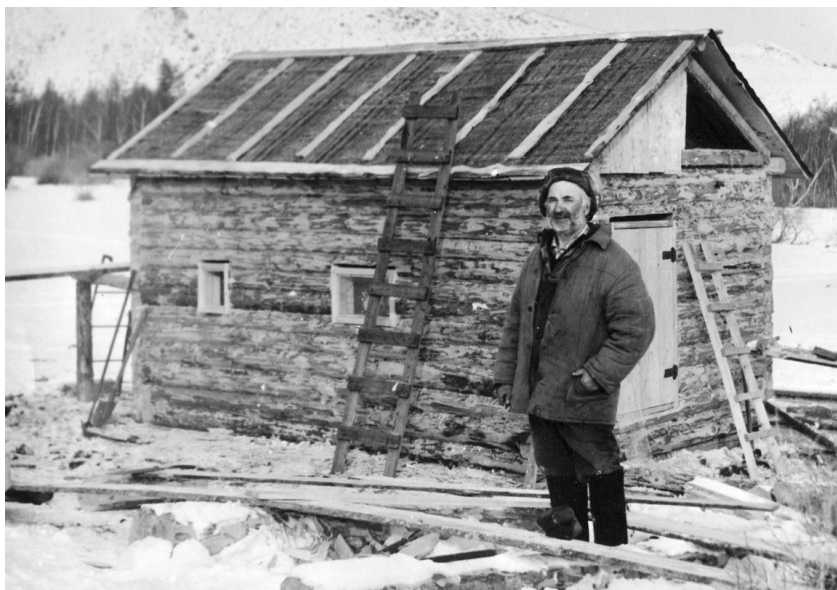
Была комсомольская свадьба, он и здесь отличился, молодец. Это было на втором участке, деревня небольшая. Женился наш, а невеста деревенская. Жених тоже с флота, друг Удалова Васьки — Борисенко М., они с одного корабля, тоже по комсомольской путевке.

Ваське доверили бригаду, с которыми он приехал, да их было несколько человек с флота, но те ребята были спокойные, а Борисенко М. стал комендантом на участке и немного поработал и сделал растрату двадцать пять тысяч. И за эту растрату его сняли, чтобы не судить, дали ко мне в бригаду, чтобы работал и погасил растрату. К другу Удалову Ваське нельзя, потому что в администрации знали, что он эпилептик. Если землю копать, может упасть в котлован. И когда он ко мне поступил, сразу предупредил меня, чтобы я не пугался, что у него такая болезнь. Но слава богу, сколько работал, припадков не было. А после, как женился, жили у тещи, там были, сам мне говорил, что с ним бывает такое, но редко. И в шутку говорит, что с корабля не падал в море. «Но друг Васька не взял в бригаду землю копать. А я нормально буду работать, но все-таки посматривай за мной и не пугайся, если что случится, прошу тебя, Толя. Мне начальник участка и прораб сказали, ты спокойный».

И вот на свадьбе случилась драка. Торжество началось во второй половине дня. Народа много. Что ж, комсомольская, а может, столько и не ожидали, а люди ждут, когда будут приглашать к столу, благо лето и погода хорошая, солнечная. Все сразу за стол в доме не вошли, ожидают. А дом большой, две большие комнаты. Ее родственники и его друзья, меня тоже пригласили с моей женой, и мы вошли первые, как говорят, в передний угол. Сидим, пока бокалы, стаканы пустые, ждем. Смотрим, идет мужик, наверное, родственник, стопкой отмеряет, чтобы всем поровну было в бокал, в стакан. Стукнулись бокал со стаканом, пожелали счастья, ну как бывает в день свадьбы, выпили, закусили. Пошли разговоры. Опять идет доверенное лицо с ведром бражки и кружечкою маленькою, и наливает этою кружечкой по полбокала, у кого полстакана. Выпили, закусили, ждем по третьей, разговоры, кто по теме, кто что, рассказы, прибаутки. Время идет. И опять выходит это доверенное лицо и говорит нам: «Ребята, выходите, всё, угостили вас, всем охота посидеть. Спасибо за ваши пожелания молодым жениху и невесте». Ну, что поделаешь, раз велено выходить. Поскольку мы были в

дальнем углу, смотрим, невеста на поленнице дров стоит и что-то кричит, возле жениха куча мала. Идет разборка. Ты куда столько народу пригласил, да нет, это добровольцы, хотят погулять, у меня было тридцать пять, а тут, наверное, сотня. Но тут деревенские хабрецы решили мордобоем разобраться, у кого были заранее припасены ножи, а один был после отсидки нескольких сроков, так у него оказалось сразу два ножа. И как бы для страха он был одет без рубахи, только куртка на нем, и он куртку сбрасывает с себя, крепкого телосложения, и в руках по ножу, подходит к Ваське Удалову, который машет флотским ремнем. Укладывает деревенских, после двух-трех ударов уже не могут сопротивляться. И вот этот урка делает попытку налететь на Ваську, так это наводя страх, пригнувшись, ножи в руках, руки согнуты в локтях, а Васька одним махом на вытянутую руку, так этим ремнем вмазал по голове, что сразу выпали ножи из рук. Еще удар, и этого грозного деревенские унесли домой на носилках. Вот такая была свадьба.

Ну пока шли там во дворе разборки, мы вышли на улицу, парни

Банька для ЛЭПовцев. Последняя стройка в пос. Баратах. А.Е. Фильковский, 75 лет

смотрят, окно на кухне открыто и на столе стоит ведро с бражкой. И один парень стал на завалинку и достал ведро, кружечку, бокал и со стола взял деревянную чашку с котлетами. И вот мы несколько человек сели на заваленку без жениха и невесты, и так весело стали за жениха и невесту пить бражку и закусывать котлетами... Уже ведро бражки допивали, большинство разошлись от этого зрелища, драка закончилась. И кто остался, свои деревенские сели опять за столы, хватились, а ведра с бражкой нет. В окошко глядь, а ведро у нас. Бегут толпой. Что осталось: котлеты, бражка, отдали без сопротивления. На этом наше гулянье закончилось. Остались на свадьбе только близкие. Как он мне потом рассказывал, только те пострадали, которых Васька ремнем флотским благословлял. Но назавтра помирились. А вот который пришел с ножами, его увезли в Черемхово, в больницу. Фактически, один Васька всю деревню усмирил.

А после, когда перевели нас на третий участок и жили мы в палаточном городке, у нас был свой магазинчик, а водки в нем не было. Так Васька поехал за водкой в поселок Гуран, взял в магазине три бутылки водки и собрался уже ехать, а к нему ханыжки пристали: «Давай познакомимся!» «Да на х... вы мне не нужны!» Тогда они решили отобрать бутылку, и ему пришлось применить опять флотский ремень, и они разбежались. Когда приехал, рассказал здесь парням про это, после пришел к себе в палатку, сколько выпил, опохмелился и лег спать. А вечером приехали эти деревенские шесть человек, так сказать, мордovorоты, вошли к нам в палатку и спрашивают: «Где ваш бригадир?» Им показали угол, там Валя, его жена, показывает и говорит «он спит». «А мы сейчас разбудим!» И из-под телогрейки достают два обрезка ружья и к нему, и слышно: хлоп его по морде и припугнули обрезками, забрали водку (не успел выпить), и его предупреждают: «появишься в Гуране — пришибем! Понял, да?!»

Тут вскоре меня перевели в Шерагул ремонтировать в болоте фундамент, примороженный бетон. Собрали небольшую бригаду, восемь человек. Две девчонки: Галя Звездова, поскольку она из

этой деревни. Она как только узнала, первая пришла, чтобы дома жить, и работа рядом. Да и как ее было не взять! Девочка физически здоровая, красивая, рассудительная, хоть на подиум ставь. Она просила, чтобы ее подругу второй взяли, и пришлось взять, а как ее фамилия, позабыл. Тоже крепенькая, как Галя. Не стеснялись обе и лом взять подолбить мерзлую землю. После ремонта этого несчастного фундамента, скорей торопились, потому что вода по болоту сверху пошла, стало тепло и снег быстро начал таять, и пошла большая вода, успели сделать. Людей из бригады, что работали со мной, забирают опять в комплексную бригаду, где до этого работали на шестьдесят пятый километр, а меня назад на второй участок.

Но пришла депеша, приехал прораб Хрылев Леонид Сазонович, принял у нас работу, и говорит мне и Гале Звездовой, что мы поедем в Братск, на строительство Братской ГЭС, на торжественное собрание по случаю перекрытия отсыпки котлована на год раньше срока. «Туда едут семь человек, на машине газ-51, в кузове постелем соломы, а так у него в кузове козырек от ветра. А делегаты на эти торжества: Печков (главный инженер участка), я, прораб,

Пять минут перекура

мастер Осипов Николай, Фильковский бригадир, рабочие девки Звездова Галина, Гурулева Любовь, Козлова Валя. Завтра придет машина за вами. Постель свою берите, инструмент и езжайте на участок. Галя тоже езжайте с подругой на участок. Когда переедите, на другой день поедем в Братск. С утра выезд, там будем ночевать в гостинице, потом пойдем на торжественное собрание по случаю перекрытия пол-Ангары для котлована плотины».

В то время не было помещений, а был большой гараж в зеленом палаточном городке. Этот гараж помыли, прибрали, наделали скамеек, сделали сцену, поставили трибуну. После торжественного открытия и поздравлений стали награждать почетными грамотами и значками. Списки читал Ротфорт, а грамоты и значки победителям вручал главный инженер Гиндин и руки пожимал, и поздравлял. А Ротфорт читает: наградить плотника на строительстве из бруса котлована для засыпки котлована, бригада столько человек, начинает пофамильно называть, аплодисменты, и так несколько человек. Тут из зала выкрикивают: «А этого за что?» Снимает очки, смотрит в зал, ищет, кто сказал. Молчат. Продолжает читать. И так долго продолжалось награждение. А когда было наградить такую-то, опять выкрик из зала: «А эту за что?». Опять снимает очки, смотрит в зал, все молчат. Опять одевает очки, продолжает читать. Охвачены в списках все профессии, специалисты. А главный инженер Гиндин вручает грамоты и значки. После этого собрания был показан концерт. А мы ходили, посмотрели, где будет плотина ГЭС. Пол-Ангары уже перегорожено, сделан котлован, и тут уже нужна электроэнергия для вращения насосов откачки воды из котлована. А место такое, на мой взгляд, как в песне:

*Далеко в стране иркутской
Между двух огромных скал,
Обнесен стеной высокой
Александровский централ.*

А здесь Ангара так сжата, как специально для плотины Братской ГЭС. Прямо отвесно гранитная скала, а выше зеленого городка были пороги, такие огромные валуны и повыше порогов был мост железнодорожный через Ангару, который впоследствии был затоплен. Мы как гости остались довольны приглашением.

По возвращении меня отправили бригадиром организовывать плотницкую бригаду строить монтерский пункт в Аларский район, в деревне Александровке. А в бригаду дали людей-плотников со второго участка. Там и план на постройку монтерского пункта дали. Ребята оказались работяги, но в плотницком деле не специалисты, а простые рабочие. Да как оказалось, тут и плотников не надо. Прорабом здесь назначен был Ваниев Заурбек Игнатъевич. Он рассказал план работ: «Привезут материал, выгружайте, складывайте, огородите территорию двора, ставьте стойки, как фундамент, где будут стоять стайки, конюшня, гараж для автомашины». Стали привозить доски, брус с запиской от прораба: «Пока не трогать и не расходовать, копайте ямки под стойки фундамента». Ямки копаем, на столбики стоек нет, еще ничего не построили. А с первой машиной привезли половую доску, через какое-то время приходит от прораба записка: «Доски, половую рейку погрузить на машину и отправить в Тыреть». А сам ее дорогой перехватит и в Ангарск, там для себя строили частные дома. Можно было списать для строительства монтерского пункта, а для себя дом построить. И так мы ни одного дома в Александровке не построили. А материал выгружали и обратно грузили. Такая была безконтрольность. Деньги отпускали на линию ЛЭП, а их списывали на мертвые души.

В это время я по возрасту вышел из комсомола, а душою я по сей день с ним. Никогда не терпел всяких безобразий. И на собраниях выступал с критикой, не меня партийные воспитывали, а я некоторых партийных воспитывал. Тех, что партийным билетом прикрывались.

Был случай в поезде. Ехали мы в Тулун. Конечно, отдельные личности посетили ресторан, пообедали, изрядно горячительного

хлебнули. И после этого пошли разные разговоры о комсомольской стройке. Здесь вызывающе повел себя Михаил Романов, был такой. Стоим в коридоре, курим, и стоит мужчина, но видно, не из простых, трезвый. Молчит, слушает, как Миша Романов выступает. Он из Армии демобилизовался, партийный и сразу партия его направила на строительство ЛЭП 220 кВ. Нас стояло четверо. Трое наших, а четвертый незнакомый мужчина. И он все хотел его разговорить. А тот больше молчит, что-то скажет и опять молчит. А Миша ему: «Вот вы кабинетный работник. Мы, вот видите, в унтах, а вы в туфлях. Вот видно, что вы гуманнобеспартийный». «Миша, сколько раз тебе говорю, прекрати болтать, если не знаешь человека. Отстань от него». Я терпеть не могу таких людей. И вот подъезжаем к Тулуну. Мужчина вошел в свое купе, переделся, и мы собираемся к выходу. Миша, пока в коридоре стояли, поостыл. Доехали до станции Тулун, нас ожидает автобус, а может, этого мужчину. Мы в автобус, и он с нами. Смотрю на него, как он одет: полушубок овчинный, цигейка, брюки тоже цигейковые и унты с собаки — одет как летчик. Доехали до управления, и мужчина выходит, тут Миша Романов к нему наперед, чуть на колени не становится и просит прощения за то, что в вагоне наболтал. А оказалось, что это член ЦК партии по строительству Братской ГЭС и ЛЭП 220 кВ. Вот такие отдельные партийные работники партбилетом прикрывались, а в голове «шумел камыш».

Итак, ЛЭП 220 кВ подходит к завершению линии. Остается линия связи на деревянных столбах. От линии ЛЭП она должна проходить на расстоянии пятьсот метров, от Иркутска до Братска. Ее строили дольше, чем ЛЭП 220 кВ. В октябре я уволился, за меня остался бригадиром Николай Гузенко. А прораб на прощание позвал к себе, где жил, в гостиницу, в Заларях. Открывает тумбочку: «Вот смотри, как живу!» В тумбочке пол кирпича хлеба и селедка. «Комиссия с меня высосала все». Я понял: «но поступи ты тогда по-честному, чтоб я мог тебя поддержать, и по рукам» Я ему: «Не забывай, как ты на меня бочку катил».

Уволился из СМУ-ЛЭП 220 кВ. Жену с ребенком оставил у ее матери, а сам поехал поступать на работу в Ангарск. В Ангарске жил мой брат с семьей. Думал, у него поживу, пока устроюсь на работу. Но случилось непредвиденное. Подходит праздник седьмого ноября. Тогда разрешалось держать подсобное хозяйство: корову, свиней, гусей, кур, кроликов. А фактически, брат с семьей жили в поселке Юго-восточный. Они в кладовке держали кабанчика, килограмм на сто, и его нужно было заколоть. А ему все некогда. После работы и в воскресенье делали загоны, стреляли диких коз. В то время возле Ангарска и Юго-Восточного поселка было много дичи: и козы, и волки, и соболь, и косачи-тетерева, и глухари — все было. И тут жена его и теща поставили ему вопрос — никакой охоты, кабана уже три дня не кормим, он орет, визжит, жрать хочет. Не мучай, коли! И вот тут получилось непредвиденное. Пошли мы его колоть, брат взял ружье Браунинг. Открываем двери, а он хотел выскочить, брат говорит, ты его пни. Я раз его пнул и хотел второй раз, а брат хотел ему в лоб, а я в это время свою ногу подставил. А он бабах, и по моей ноге вместо кабана. И пришлось делать второй выстрел. Кабан упал намертво, а я сел, смотрю, у меня-то валенок новый, а какую дыру в валенке сделал. Конечно, кабан лежит, а мне скорую помощь вызвали и в больницу в Ангарск отвезли сразу на операционный стол. Хирург сделал укол, заморозил, чтобы обезболить, пока обрабатывал рану, не чувствовал никакой боли в ноге. И у него спрашиваю: как заживет. Неделю, две? А он говорит: месяц, два, а то и больше. Закончили обрабатывать рану. Сестра сделала перевязку, дали костыли. А я не могу идти на костылях. Укол стал отходить, и я сильную боль почувствовал. И совсем идти не могу. Тогда он говорит сестре: «Леночка, помоги ему до приемного покоя пройти». Леночка берет меня под руку, я ей свою руку на плечо, а на ногу наступить не могу, а стою на одной ноге, а вместо другой нужно на Леночку опереться и подпрыгнуть. И как только на плечо оперся, она как курочка под петухом и села. А хирург стоит руки моет, увидел, что она на полу сидит и на меня как за-

кричит: «Ты что делаешь?» А она: «Доктор, он меня задавит». А я стою, чуть не плачу. Тогда подходит он, говорит, держись за мои плечи, костыли Леночка взяла, и так сопроводили меня до приемного покоя. Там нужно в ванную, санобработку пройти. Был такой порядок. Они меня обтерли мокрой тряпкой, заполнили лист о приеме меня в больницу. Теперь бери костыли, и пошли на третий этаж. А с приемного покоя должна сопровождать нянечка. Тут уж я говорю: «Нате вам костыли». А я на трех ногах, как бы на четвереньках. Раненная нога вверх, а на двух руках и одной ноге прыгал как подранок. Прыгаю по лестнице до палаты: вот твоя койка. Только сел, подходят, нет, пойдём на четвертый этаж. Фу, слава богу, на месте. Опять подходят: «Нет, не сюда, пойдём на старое место». А тут по коридору уже смеются охотники, что вместо козы его подстрелили. И так я не работал два с половиной месяца. И больничный лист не оформлял, не знал. А по закону

надо было обратиться по месту, где работал, а никто не подсказал.

Но зато как поступил на работу, ни дня не работал на ТЭЦ 10. Дали в Юго-Восточном в семейном общежитии комнату и машину привезти семью. Они в это время жили у ее матери. Поехал, забрал их, теща дала несколько мешков картошки, поросенка, чтобы вырастили на мясо. В то время вырастить кабанчика никаких проблем. Все несут

Сборка опоры. А.Е. Фильковский (справа)

хлеб зачерствелый, помои, только корми. А он растет быстро на хорошей кормежке. И в самую жару заболел. Ветеринара нет, а он лежит красный с температурой. Без ветеринара как лечить? Но вылечили. И до осенних морозов вырос на девяносто килограмм. Как закололи, пришлось угощать тех, кто помогал кормить. А мы с женой молодые были, наделали деликатесов: колбаса с кровью, гречку с мясом. Но этого надолго не хватило. Идут знакомые, друзья: «Ну-ка, угощайте». Приходится угощать в выходные дни. А приготовить на стол жена могла: грибы соленые и к чаю стряпанные пирожки, ватрушки. Конечно, она в это время не работала, у нас был маленький ребенок. Жили дружно. А раз дома всё в радость, то и на работу идешь в хорошем настроении.

И так я работал на ТЭЦ 10 столяром и плотником год, и мне выделили благоустроенную квартиру в шлакоблочном доме. Приходит бригадир и говорит: «Тебе, Толя, выделили квартиру, а ключи еще не получили». Раз выделили, то ключи будут. Проходит какое-то время, мне говорят: «Приняли на работу механика-специалиста, партийный, передали ему ключи. А ты год работаешь, но ты сейчас будешь первый на очереди, маленько подожди». Нет, раз обманули, и еще не надо было говорить, что приняли механика, да еще коммуниста. Он пожилой, его, может, выгнали с работы, и как он тут себя покажет. Я тогда увольняюсь.

— Нет, подожди. Вот один увольняется, будет свободная квартира, тебе даем ее.

— Нет, эту квартиру мне не надо, я пишу заявление на увольнение.

А Жуков, начальник стройки ТЭЦ-10, в звании капитан, его рвет. Я ему говорю, что, Александр Митрофанович, пойду опять строить ЛЭП 500 кВ от Иркутска до Братска. Партком и застройщиком не дают согласия. Три заявления порвали. Поехал в Ангарск в Управление строительства, там написал, подал, приняли, иди, двенадцать дней работай, придешь за обходным. Через две отработанные смены получил обходной. И жалко было уходить от этого коллектива. Но что поделаешь. У всех свой характер.

И поехал опять строить ЛЭП 500 кВ. А перед тем, как квартиру выделили, а потом отодвинули очередь, обидно стало, а некоторые, как нарочно, спрашивают: «Ты квартиру получил? Давай обмоем!» Это злорадство. И получают для себя радость, когда кого-то подкусывают. Ладно, смейся. А тут иду в Ангарске, встретил знакомого, он работал начальником участка на ЛЭП 220 кВ. И он говорит, будут строить ЛЭП 500 кВ от Иркутска до Братска, и ему пришел вызов о назначении его начальником участка. Участок будет в Заларях, и ему поручено организовать и принимать людей на работу. Вот ты первый будешь, и будем вместе организовывать. Желаешь? Увольняйся! И поедем в Залари, жить пока будем в гостинице. Все, дал согласие на работу. Но прежде нужно уволиться с предприятия п/я 91/15, с которого уволился только через управление строительства г. Ангарска. И так не думал, что свяжу свою жизнь и работу со строительством высоковольтных передач по Иркутской области, Бурятии, Чите, Монголии. И всегда был бригадиром, на хорошем счету. По организации производства, работ.

Итак, приняли на работу в ЭМУ-ЛЭП 500 кВ Братскгэстроя. В апреле начали принимать на работу местное население на рубку леса. Люди шли на работу со своим инструментом (топоры, пилы ручные) на участке не было ничего: ни склада, ни инструмента, ни верхонок, ни спецовки. А люди писали заявление о приеме на работу. Приносили справки о состоянии здоровья, направление на медосмотр, которые я выдавал и принимал. А начальник участка доверил мне пока собирать временные заявления и после передавать ему, а он передавал в отдел кадров. А я оформлен на работу разнорабочим по третьему разряду, и в трудовой у меня такая запись. Раньше, когда строили 220 кВ, я по нарядам проходил по шестому разряду, а также работы выполнял шестого разряда. И в трудовой не хотел повышать, чтобы меньше спросу было. И еще потому что у меня нет образования. Думал, чтобы только деньги платили, и семья в достатке была. А сам любил работать, поэтому не получил образования, которое нужно было. Не было возможно-

сти. Все время работал физически до службы в армии, в колхозе, а потом вот на ЛЭП 500 кВ как в песне Александры Пахмутовой «непростая линия». Ее начинали строить в апреле 1959 года. Я был первым организатором на втором участке в Заларях. Людей принимаем на работу на просеку, везти не на чем, машины нету в своей организации, нужно идти в заларинскую автороту. Денег на счету нет, чтобы перечислить, нужно упрасивать. Обещали перечислить. Управление базируется в Тулуне, начальник участка уедет на поезде в Тулун, оттуда выехать не может. Мастера на участке нет пока. А приняли сразу прораба. Он местный, заларинский. Слава богу, освободился я от хлопот. На все организаторские работы назначен прораб Корнилов В. Мужик рассудительный. Базу участка определили на старом месте, где раньше была автобаза ЛЭП 220 кВ. И пошла работа на просеке. Валка леса ручными пилами. Бригада лесорубов 20 человек пришли старые, которые работали раньше на 220 кВ. Бывшие комсомольцы, вышедшие из комсомола по возрасту, но с гордостью за то, что они строили ЛЭП 220 кВ. Из их числа были и лесорубы, и монтажники, и шофера. Пока машины не пришли, они временно лес валили, котлованы копали. Все-таки, технику нам обещали. Пока организовали одну бригаду лесорубов, пилили сразу на две цепи, ширина просеки зависела сразу от высоты дерева. Местами до двухсот метров сразу расчищали только под одну цепь, чтобы можно было копать котлованы. Дерево перепиливали и раскатывали по сторонам. И чтобы была проделана дорога. Благо, что рядом с ЛЭП 220 кВ. И по старой дороге ездили. А для новой линии нужна дорога, чтобы завозить подножки. Это фундамент готовый с завода, что по затратам труда было намного легче, чем при строительстве ЛЭП 220 кВ, потому что не нужно было столько гравия возить, опалубку делать. Это все сокращало производство по нулевому циклу работ. А вот техники до 1960 года не было, как автомашин, так и тракторов. Машины брали в Заларинской автороте. Трактора — в колхозе. За эту технику мою бригаду брали в колхоз обрабатывать. Строить гараж шлаколитный,

накрыть крышу, сделать ворота и навесить. Это у нас был как подшефный колхоз. Взаимная выручка. Договаривались с председателем колхоза Никифоровым, он нашим рабочим за хорошую работу выписывал фураж, отходы зерна за то, что им сделали гараж для стоянки и ремонта машин и тракторов.

А вот на трассе лес пилили. Очистка поваленного леса. Уборка с просеки, где крупный лес, длина дерева почти пятьдесят метров, и в объёме не хватало пилы свалить, спилить. Тогда делали под этим деревом костер и неделю жгли, подкладывали дрова. Зато как грохочет, мужики, парни, девчонки, что в бригаде, бегут, кто быстрее, серу с лиственницы собирать, кто больше наковыряет. А такую громаду стащить и трактору Т-60 силенки не хватало. Вот такая техника была в колхозе, трактора, которые не сравнить с трактором ЭС-80. Его где-то взяли напрокат, на нем ездили на работу. Подцепят к нему будку, на санях бригада лесорубов в будке. Бригада лес валит, сучки обрубают, девчонки сучки в кучи складывают, сжигать нельзя. Лето, сухо, пожар будет. Так до осени до снега они лежали. Как только снег покроет землю, поступали на работу женщины, чтобы сучки сжигать. Тут и сучки горят и телогрейки на плечах. А кто-то отнесет подальше от костра, на сучок повесит, а потом забудет, что его. Смотрит — телогрейка горит. «Э-э-э, чья телогрейка горит?» Все молчат, а присмотрится, так его. «Ох ё... это моя». В другой раз, когда снегу больше, закопает в снег и спокойно работает до вечера. У костра тепло, а домой собираться, идет, где закопал, смотрит, а там одна зола от телогрейки осталась. Она под снегом сгорела, и дыму не видно и запаха нет никакого. Остался один смех, а который больше смеялся, у того в другой раз сгорает. И опять разговоры, смех. Благо, что сани с будкой трактор таскал. В будке печка была, топили, и ехать тепло. Ехать в удовольствие, коллектив бригады всегда вместе едет на работу. Все знакомые. Кто, что рассказывает, анекдот, что с ним было, какой-то случай. Опять смех. Как вчера нас привезли на трассу, а трактор сломался. Идти пешком домой десять или пятнадцать километров. Другой гово-

рит, я тут буду ночевать. У кого от обеда что осталось, помаленьку дадут. А ты, Колька, скажи, что я остался дежурить. Трактор сломался, чтобы они передали, кто они. А утром заходят к ним домой, а дежурные дома. Да вы же остались ночевать? А подумали, что в будке, на скамейке, на голой доске — это не сон. И пошли домой. В одиннадцать были дома. И так часто приходилось. Бывало, на машине увезут на трассу и машина уйдет домой по приказу начальника или прораба, и забудут отправить за людьми. И мы идем пешком домой или сидим ждем час, два, как идти навстречу, опять воровожим, по какой дороге он поедет. Бывало и разойдемся. Но как бы поздно домой с работы не возвращались, а утром к восьми часам все у конторы в ожидании, на чем повезут. Или трактор будку потащит. Такое было не всегда, он ломался, да и с просеки ему лес убирать. А еще народа стало больше. Кроме лесорубов была бригада землекопов. Надо везти, и дождь прошел, а машина не вездеход ЗИС-5. В зарларинской автороте вездеходов не было. А вездеходы считались ЗИС-151 студебеккер, ГАЗ-63 и проходимость зависела от шофера, от его навыков. ЗИС-5 взяли в аренду и ее отдали грузинам, которых приняли на работу котлованы рыть. Они на трассе и жили, у них свой шофер был, он и повар и продукты покупал, машина у них постоянно была. Им мастера закрепили для контроля, такая была Бобина Зоя Ивановна. Они до осени работали, только холода начались — уехали домой. И мастер уволилась. А у нее контроль: сидела у котлована и курила. Это было видно по окуркам, которые копал бригадир. А копали грузины так, что когда пришлось подножки ставить, нужно было котлован расширять, а земля замерзла сверху. Начинали, как геодезист разметил, а внизу заузят, да смещение по оси. Как писали в газете: земля как по транспортеру по подряду договора. Чтобы и фундаменты поставили, а на участке своего автокрана не было. Взяли автокран в аренду и им дали, чтобы они и фундаменты поставили. Это были не рабочие, а калымщики. Им делали приписки, категорию грунта завышали, как говорят, на лапу начальнику давали. Они куш со-

рвали и убежали, а мы, работяги, не убежали. Большинство были местные, убежать некуда. Грузинам платили поденку, выходило по триста рублей до 1961 года, а нам по 60-70 рублей. Начальник до этого и срок в лагере отсидел. В ЛЭП стройка комсомольская, а начальник — партийный, вступает в партию, получает реабилитацию. С тебя, даже когда с трассы дров привезти, требует выпить билет, за машину оплаты. А ему его родственники напилят, погрузят, отвезут, не сделаешь, совсем зажмут, будет зарплата на хлеб да соль. Вот так начиналась стройка ЛЭП 500 кВ. К примеру, ЛЭП 220 кВ строили два года, после сдачи линии под напряжение рабочие монтажники уволились. А линию связи от Иркутска до Братска, параллельную этой, строили семь лет. После сдачи ЛЭП 500 кВ в 1963 году мне пришлось доделывать линию связи. А ЛЭП 500 кВ начинали, как сформировался участок в Заларях, в мае 1959 года, а в 1962 году пустили под напряжение. Это две цепи, ну, две линии. А с линии связи из столбов кому-то строили дома. А также лес получали, везли на монтерские пункты, привозили, увозили и все списали. Развезли по разметке связи, а его там нет. Куда делись столбы? Сгорели? Списать! Шел пожар, горел лес. Хотя бревна на линию связи везли, а выгружали кому-то на дом и все на лесной пожар валили. Привозили, в замет ставили, которые в лесу были брошены на дрова отходы. Вот так была построена линия связи. Конечно, этой линии нет. Связь идет по проводам напряжения высококачественная. Но по сравнению, строили семь лет связь. ЛЭП 220 кВ — два года, а ЛЭП 500 кВ — две цепи или две ЛЭП 500 кВ на это же расстояние. Конечно, таких трудностей не было. В 1960 году, к осени, стали получать новые тракторы С-100, автомашины высокой проходимости. Без такой техники затягивались сроки строительства линии. А тут сразу получили четыре трактора, машины ЗИЛ-157, а все-таки кранов не было, за исключением тех, что брали в аренду. Земляные работы на участке подходили к завершению. Надо устанавливать подножки, а арендованный кран грузопъемностью в три тонны. А анкерные фундаменты, хотя и

разборные, весят пять тонн. И ждали обещанного, что получим два тракторных крана. До их получения пришлось выдумывать, самодельный делать. На трактор С-100 ставить лебедку Л-8 от привода вала отбора мощности, стрелу со швеллера сзади кабины над лебедкой, впереди трактора ящик для контргруза. Хоть и неудобен такой кран, но в котлован подножник опускал. А по осям выравнивали ручным реечным домкратом. Грузоподъем этого домкрата пять тонн. Он не ушел в прошлое, а работает по сей день, и осталось в воспоминаниях, кто строил эти линии высоковольтных передач. Вот где эти девчонки, парни, которые электрофицировали нашу область и другие районы Восточной Сибири: Бурятию, Читу, Монголию. Раньше, в те годы им не было так, как сейчас, где женщины работают малярами. А на трассе землю копали, бетон делали, сучки жгли; опоры красили — это верхолазы маляры, а после краски выпачканные руки, лицо прежде чем умыть, соляркой нужно оттереть. Вот такая гигиена в полевых условиях. А когда сучки жгли, не только ресницы, а сами люди от такого костра обгорали. В зарларинском лесхозе чистили, скребли граблями, такую чистоту требовал лесхоз, только после такой уборки подписывали акт. А они после такой уборки делали покосы. Вот такой порядок требовали, такую работу выполняли летом девчонки, женщины. Только зарплату платили мизерную. Денег на трассе много было, но они уходили налево, на мертвые души.

А вот как было, когда организовали участок. Временно жили в гостинице. Начальник участка и я. Но для рабочего житья в гостинице, это временно. И пошел я жить на участок, квартира у бабки хорошая, за оплату будет мне еду готовить, буду давать деньги на продукты, за квартиру, и довольно. Все по сходной цене. Дом большой, отдельно комната, все, что надо. И возьми да и похватай начальнику. Антон Емельянович, вот у меня квартира. Куда гостиница по возрасту к тебе подходит. А он хохол, украинец: «Шо говорыш, жена прыйдэ с Ангарська?» Я неделю не жил у нее, прихожу с работы, а он сидит с хозяйкой за столом, уже познакомился:

«Будэм умести, у хозяйки четыре комнаты, места хватит» Ну, что думаю: «Живи, а я другую квартиру найду». У меня тоже жена и ребенок маленький, надо привозить, чтобы были со мной. А ты мне и на работе надоешь. А вместе жить: у тебя и у меня свои бытовые условия. Как хочешь, так и живи.

Что я и сделал. Ушел на другую квартиру и решил дом построить. Написал заявление в заларинский райисполком. Чтобы мне отвели место для постройки дома. Место есть, где делали базу участка, рядом контора, магазин тоже строить надо. Что и делали. Организовали бригаду плотников. Меня с просеки лесорубов перевели в эту бригаду плотником. Строили контору на две половины, с одного торца будет контора участка, с другого — смешанный магазин для одного продавца.

Рабочих было много принято. Лес пилили с корня, обрубали сучки и складывали в кучи, чтобы потом сжигать в непожарное, неопасное время. Только хлысты убирать было нечем. А там, где намечался будущий фундамент, расчищали, копали вручную котлованы.

Да и руководство: начальник, два прораба, геодезист для разметки котлована, прораб Корнилов В., Романова Лидия Федоровна. Это доброй души человек. Приехала по путевке комсомола на ЛЭП 220 кВ с запада, со строительства какой-то ГЭС. Там она была награждена орденом Ленина. А на ЛЭП 220 кВ она работала в производственном отделе. После окончания строительства линии 220 кВ уезжала строить Виллойскую ГЭС. С Виллойской приехала строить ЛЭП 500 кВ. В 1960 году она стала начальником участка № 2. Ни с кем ее нельзя сравнить из тех, с кем приходилось работать. Она не сидела в конторе, а тоже двое детей, дошкольники, она их брала с собой. И, было, с нами жила в палатке. Одна с нами мужиками. И если что-то не так, то она такую стружку снимет, безо всяких матов, и он надолго запомнит. И могла наедине, отдельно, и на собрании или в присутствии бригады, и все ее слушали, как мать, по-семейному. Когда приходили к ней с жалобой, что-то помочь в семье, она ко всем относилась положительно. Заботилась о рабо-

чих. Дрова, машину дать, сено, кто корову имеет. На все она уделяла внимание. Вот такая была Лидия Федоровна Романова. Она сама проводила инструктаж по технике безопасности. На каждом исполнении отдельная техника безопасности. И все равно были нарушения со смертельным последствием.

При монтаже провода рабочий упал с опоры с высоты двадцать семь метров. Октябрь, по утрам заморозки, на металле иней. Он переходил по траверсе с приспособлением для перекладки провода и поскользнулся, и на мерзлую землю, и труп. Этот парень приехал как специалист с запада. По такому происшествию создана комиссия, и расследование, дают заключение: «Неосторожность при гололеде на металле». Только комиссия закончила это расследование, случилось другое ЧП. Это было в конце рабочего дня, конец октября, морозы начинались. Металл инеем покрылся, а линию готовили к сдаче. Устраняли обнаруженные дефекты. Люди в бригаде были развезены по опорам. Договорились, которого первого оставляли, что как сделает, сразу подходил к следующему, и так шли к машине. И вот тот второй видел, что первый спускался, а к нему не подходит. Пошел посмотреть, что с ним, а он лежит на снегу, скорчился. Решил скорей спуститься с опоры, не по уголкам переступая, а по наклонной якорной растяжке. На опоре их четыре, они наклонно, как бы по диагонали. Так делали, хотя нарушая технику безопасности. Растяжка к вечеру обледенела и он стал спускаться по ней в верхонках. А внизу, где крепится, там два болта, он смаху налетел копчиком на болт и упал, а подняться не может. Второй подходит, смотрит, чтобы скрыть это нарушение, придумывает. Этот лежит, он его подтаскивает к опоре, стойке. Друг залазит на опору вверх на шесть метров, чтобы на земле сделать отпечаток, что в этом месте он упал. И друг падает умышленно рядом к другу и также подняться не может. И когда вся бригада поехала их искать, они лежат оба рядом. Хотел друга выручить и наказал себя. Вот такие были друзья. И все-таки от комиссии спрятали этот грех. А на линию их после выздоровле-

ния Лидия Федоровна не хотела брать, за такое нарушение техники безопасности, умышленное, прямое, злостное. Но говорила: «Вы, парни молодые, прошли такую практику, сами поняли, что это полное нарушение безопасности».

По первой цепи сроки поджимали, ЛЭП 500 кВ раньше намеченного срока сдали под напряжение. Вскоре и вторую цепь сдали под напряжение. По окончании строительства иркутской ГЭС Управление строительства стало называться: Трест ВостокСибЭлектросетьстрой. То, что называлось ЛЭП 500 кВ Управление, стало называться мехколонна 41.

Начальником Мехколонны стал Фисенко Александр Иванович до этого он был начальником на Вилюйской ГЭС. А главным инженером Мехколонны 30 был Карпович Герольд Степанович, он учил и объяснял практически на ЛЭП 500 кВ. В то время они были авторитетными руководителями в мехколонне 41. Романова Л.Ф., Фисенко А.И., Карпович Г.С.

ЛЭП 500 кВ расформировали, а сформировали несколько мехколонн, что вошли в организацию Трест ВостокСибЭлектросетьстрой. В ЛЭП 500 кВ сделали 41-42-51-58-68 мехколонны, а мехколонна 30 именовалась КузбасЭлектросетьстрой, базировалась в Ангарске, она самая авторитетная по строительству линий передач, в ней я работал с 1970 до 2006 года.

Когда сдали вторую цепь, в начале года мехколонна 41 переехала в Тайшет, достраивать ЛЭП 500 кВ. До этого ее начинала строить 42 мехколонна. Первую цепь от Братска до Тайшета после сдачи ЛЭП 500 кВ сразу начали строить от Тайшета до Коршунихи, пилить просеку для ЛЭП 110 кВ. На этой линии стали впервые применять железобетонные опоры, которые стал поставлять Свердловский ЖБЗ. Одновременно стали строить ЛЭП 110 кВ Тайшет-Саяны, которую по трудности производства работ можно сравнить с ЛЭП 220 кВ. Очень тяжелые топкие болота, бездорожье. Густой крупный лес, завалило за зиму снегом, занесло на высоту три метра. Земля, что с осени замерзла, под снегом растаяла. Дорогу про-

делать бульдозером с трудом могли, только середку растолкали, чтобы завести бетонную опору. Тащили машину, прицеп с опорой. Машину с прицепом тащит на буксире арттягач, а у него лебедка. С-100 трактор, тягач тоже с лебедкой. И вот какие были трудности, для того, чтобы доставить на пикет одну опору, нужен еще кран, чтобы выгрузить опору. Нужно пять человек, это три механизатора и два такекелажника таскать буксирные тросы от лебедки до машины, или трактор. Машину отцепляют, нужно арттягач вытаскивать, и так по грязи налазишься, да другой раз и обед с собой не возьмешь. Всякое было. Думаешь, хотя бы вылезти из грязи, чтобы до дома добраться. И было, бросишь, оставишь и добираться километров 10–15, а то и больше. Благо, некому было пакостить. Только на другой день придешь, видно: Мишка вокруг ходил, проверял и думал про себя: «Зачем вы в мои владения лезете?». По

Жилье в командировке. А.Е. Фильковский (слева)

следу видно, что и в кабину трактора залазил, любовался, осматривал. Их от станции Туманшет, где линия проходит, по этой тайге много было. Линейщики боялись по одному ходить. Трасса была не очень большая, а проходимость очень тяжелая. О шоферах. Один шофер, Николай Локтев, возил опоры бетонные, руки за день накрутит, у него был Урал, еще с брезентовой

кабиной. Это опасная машина. Она была еще не усовершенствована, часто отказывали тормоза. Везет опору, крутой спуск, и вдруг отказали тормоза, поэтому рисковал, что может перевернуться. А второй шофер возил на ЗИЛ-157, машина по проходимости хорошая, но руль выкручивал руки и выбивал большой палец. Переднее колесо во что-то ударилось, сразу руль из рук выбивает, сам руль резко крутится, не удержать. И вот после такой работы придет домой, нагреет камень или кирпич, положит на плечи полотенце, а на него камень. И оба шофера с кирпичами спали.

Николай Локтев работал до пенсии и после еще продолжал работать по-комсомольски. А почему работали, да потому что этот тяжелый труд шел в радость, и никто не грустил. А особенно, когда жили вместе. А иногда и выходных не было. Сами так бригадой договаривались. С утра и допоздна на трассе. Так входило в привычку. Землю копали, жара в котловане, нет ни ветерка, всё пауты, слепни, мошка, отбоя нету. А позже, попрохладней, меньше всякого гнуса, и работать легче. Это всё остается в воспоминаниях. Так это всё пережито на линиях ЛЭП. А поскольку ЛЭП 110 кВ проходила параллельно с железной дорогой Тайшет-Абакан, то перед пуском железной дороги и планерки проходили вместе. Нам нужно было подать напряжение до подстанции тяговой для электрификации железной дороги, а монтажник контактной сети должен был сделать подстанцию в Абакумовке. А нам нужно подвести ЛЭП. Вернее, отпайка была сделана, нам нужно ее переделать, потому что они сместили по оси подстанцию на семь метров в сторону, а отпайка от линии ЛЭП три километра. А нам еще нужно состыковаться с той, которую строят нам навстречу пять километров. Но мы пока оставили этот участок, а стали переделывать эту отпайку. На совместном совещании на планерках присутствовало высшее руководство и член ЦК партии Шалам Беридзе. Подстанционники докладывают: у них все готово, а фактически еще много работ по подстанции. А свои работы сразу организовали. Я со своей бригадой переставлял опоры бетонные, лесорубы пресеку пилят, добав-

ляют в ширину от оси, куда сместили подстанцию. И как увидел прораб, что у нас все организовано (опоры переставляем, следом раскатывают провод), на забор от подстанции поднимется, посмотрит, и потом только слышно, как он там кричит на рабочих. Что мы-де вчера на планерке говорим: все готово, давайте провод на забор и цепляем за порталы. А мы за три дня переделали, несмотря на то, что погода ненастная была. А бригадир был у проводчиков (проводников) — Небылица А. Работать мог и руководил бригадой грамотно, за что был награжден орденом Ленина. После переноса отпайки в створ оси портала, вернулись достраивать пропущенные пять километров. Команда возвращается назад, в сторону Тайшета был пропущен пролет. Не было провода и были болота. После доделки этого пролета, ЛЭП 110 кВ могли поставить под напряжение до станции Тарамба Абаканской железной дороги. А от Тарамбы до Харюзовки пролет двадцать пять километров был пропущен. Было топкое болото. Этот пролет доделывала мехколонна 30. Ввиду больших трудностей делали еще два года, а напряжение пустили с двух сторон от подстанции Саянска и Тайшета, чтобы пустить электровозы. И эта железная дорога выручила, хотя еще полностью не была сдана в эксплуатацию. Я знаю это, потому что мне приходилось с монтажниками контактниками ездить. Я это все видел, и семья моя жила в их общежитии. Весной 1965 года на праздник 1 мая, все отдыхали, было тепло, и снег быстро таял, и вода в Бирюсе поднялась, вышла из берегов и затопила пойму и сделалось как водохранилище, от правого берега Бирюсы до подстанции Запань, три километра. Пересыпали железнодорожное полотно и перегородили старое русло Бирюсы, напор воды пошел прямо, и стала вода просачиваться через грунт полотна и строители спасали на домкратах. Делали дополнительную отсыпку. А в этом месте Бирюса изогнута как колено, это по новому руслу, а старое шло прямо, его перегородили полотном. И попали наши опоры железобетонные вдоль берега, на опорах был провод смонтирован, а вода вокруг опор крутилась, вымывало воронку, и опоры попадали вместе с

проводом. После праздника приехали парни в Саранчет, увидели меня и говорят: «Опоры попадали, в воде лежат». А мне поехать посмотреть не на чем, у нас люди еще в отгулах, я один с семьей. А машины пропускали только через железнодорожный мост по разрешению, в определенное время, а так стояла охрана. Но можно было обмануть охрану, в кузове положить матрац, положить большого, тогда охрана пропускала машину по мосту. После вода ушла в русло Бирюсы, а осталось болото. Нужно подымать опоры, нужна техника, автокран шестнадцатитонник, а его буксировать бульдозером. Машины с гравием, чтобы засыпать вымытые ямы возле опор. Такая работа, и расценить невозможно. Одну опору быстро в строй ввели, а вокруг другой, например, стоит озерко, и опора с проводом лежит в воде, изоляторы побиты, провод верхний порван. Опору надо переставить на два-три метра по оси линии, а на провод ставить ремонтные муфты. После установки опоры делать обваловку на высоту два метра с откосом, а потом втыкать колья и делать плетень, чтобы обрастало кустарником, против размыва, в случае наводнения. Вот такая линия Тайшет-Саяны.

А по дороге, как ехать на машине, в районе горы Туманшет, на дороге всегда стояли предупреждения «опасно». Прямо на дороге возле железной дороги, как идти повыше к горе, образовалась воронка, в нее сползала гора вместе с лесом. И еще в эту воронку попала огромная сосна, она постепенно погружалась в нее, а железнодорожный путь отодвигала в сторону речки Туманшет. И строителям пришлось по пойме делать насыпь, а также переносить контактную сеть. Как они называли километровый обвод. И все это я видел, потому что моя семья жила в их общежитии, потому что из мест свободных для проживания были только пустые бараки.

Летом 1965 года поставили палатки в Саранчете и привезли из всех вузов Москвы стройотряды. Наводить, как говорят, марафет. Были африканцы, кубинцы, вьетнамцы. И что удивительно, африканцы, на улице жаркая погода, а они одеты в зимнюю солдатскую форму. А наши русские девчонки ходили: кофты обвязаны на поя-

се, а сверху бюстгалтер, и мошка из грызла, а им не страшно было. Вот это русский характер.

А когда работали в Абакумовке, это перед пуском первого поезда по линии Абакан-Тайшет, я после выходного дня с Саранчета до станции Тарбинская доехал на попутной машине. А до Абакумовки дальше не с кем, рабочие не едут, а все-таки жду попутную. Что-то да будет. И вот выходит дежурный по станции: «Уходите все от перрона, идет матрица с Тайшета. В ней едет зам. министра и Щетитин, и комиссия с ними с проверкой, так что освобождайте». А мне нужно ехать, стою, ожидаю. И вот подходит эта матрица, типа автобуса, останавливается, какой-то чин открывает двери, выходит, я к нему подхожу, спрашиваю, можно ли с ними доехать до Абакумовки, он назад пятится, у кого-то спрашивает, говорит: «в Абакумовку, на подстанцию доехать, там работает, входите». Вошел, смотрю на них, они все одеты в костюмы, при галстуках. Едут, все в окна смотрят. А у заднего окна дед стоит с камерой. Все жужжит, снимает на пленку постоянно. А на улице снег идет густой, но все-таки просматривается по сторонам, сколько брошено техники в болоте: «трактора, краны, машины, самосвалы — все утонули в болоте. И вот один из этих наблюдателей возмущается, говорит: «Зачем это такой снег идет». Зам министра поворачивается от переднего окна и говорит: «Пускай идет и посильней сыплет, чтобы этот, рукой показывает на деда, с камерой, чтобы он меньше видел, что в стороне. А в стороне, там всякая техника: крейдера, скрепера, укатыватели, полотна, контейнера, кабины от машин, провод на барабанах. И так я ехал до Абакумовки. Конечно, их приезд ожидали: в столовой горячий обед, в отдельном зале. Но столов мало поставили. А желающих посидеть вместе с министром и секретарем обкома партии много. Меня, конечно, не пригласили. Сiju, взял обед, смотрю, два мужика, при галстукe, тоже хотят стол занести и не могут сообщить, пришлось помочь им, а то к горячему не успеют.

После сдачи под напряжение ЛЭП 110 кВ нас вернули доде-

лывать вторую цепь ЛЭП 500 кВ в поселок Квиток и жить в палатке, которую поставили на снег. Бульдозером очистили, и на мерзлую землю поставили. Голая земля, пола нет, пищу готовили на костре, подвешивали бак, чтобы сварить суп или кашу. У нас большая бригада была: три тракториста, шофер, который бригаду возил, одиннадцать линейщиков. В палатке свет от электрокрана, до одиннадцати ночи он работал, и был свет. Печку топили и было тепло, весело. Играли в шахматы, в карты в подкидного дурака, в храп. Азартно смотреть, как по чужому носу бьют. Вот такое развлечение. После ужина кто-то книжку читает. Конечно, в это время печку хорошо топили, на верхней койке было тепло. (Койки поставили двухъярусные, чтобы в палатке было больше места). А я взял раскладушку. И те, которые спали на верхних местах, им всегда теплее, а вот внизу от земли холодно, хотя мы на землю позже нарубали пихтовых веток, все же можно разуться. Да и я наложил веток пихты на раскладушку, а сверху матрац. Одеяло, сверху полушубок, и раздевайся до трусов. Как привыкнешь, и не думаешь, что холодно. Но все равно, нужно ночью в печку подкладывать дрова. А были такие дельцы: в печку поставят свечку, зажгут. Со стороны смотришь: в печке огонек, стало быть, кто-то подложил дрова. Конечно во время такой топки жарко не бывает. Потом разборка: кто подлянку устроил. Только смех один — правды не узнаешь.

А было еще так. Один привез маленького щенка. Ему говорят: «Зачем?» «Пускай растет! Палатку караулить будет». Вот он однажды ночью надоел мне. Все лез ко мне на раскладушку. Тогда я встал и его под ноги этому хозяину впихнул. А он спал на верхней койке. Я щенка поднял и в ноги под одеяло ему. А он спит и не слышал, как я ему подложил. А утром Гена проснулся, щенок у него в постели. Удивление. Как он к нему залез. Парни смеются: знает хозяина. Смех на неделю.

И конечно, потому что я всех старше, утром вставал раньше всех, печку в палатке топил и костер на улице разжигал, завтрак готовил. А вот с водой было плохо. Жили от воды далеко. Привозили

лед, топили. И из этого льда готовили пищу. Пока стояли морозы, хорошо было. А в конце апреля снег таял, и лед стал таять. Брали воду из лужи, а в луже вода снеговая стала застаиваться. В ней появились головастики, личинки комаров. Через марлю процедим, отстоится, кипятим, получается как настой со всех трав. А чтобы хорошей воды достать, нужно ехать пять километров и буксировать трактором по грязи. Да и время затрачивать. Опоры успели поставить, а провод, грозотрос — пролеты большие, рельеф, косогоры, тракторы «разуваются» — с гусениц сходят.

Про эти трудности не расскажешь. Это трасса, и ни с чем ее не сравнить. Вот, к примеру, на стройке тепляк стоит. Поработали, перекурили, пошли, перекусили, чай попили, перекурили. А на трассе все позавтракали до обеда, и то еще не в одно время, а ужин как всегда запаздывает. Работали, никогда время не считали, а ставили свой план в бригаде, сколько нужно сделать. А если на трассе время соблюдать, то никогда в срок не сдашь объект, потому что много работ не учтено. Дождь, снег, мороз — не помеха. И ты мокрый, в грязи спецовка, и все-таки парни меньше болеют, когда работают возле дома. Другой не просушит одежду, а утром подогреет ее, как бы теплую оденет, и она на нем досохнет. На работе будет время, разожжет костер. Бывает такое, если весна или осень. Да в эти годы вахтовки были, как автобус, можно обогреться. И от сильного дождя укрыться. Это так, без преувеличений. Это Иркутск-Братск. А первая ЛЭП-500 кВ Камала-Тайшет поставлена под нагрузку в 1960 году.

Содержание

Часть 1. <i>Моя жизнь</i>	3
Часть 2. <i>ЛЭП</i>	40

Фильковский Анатолий Емельянович

Мы шли сквозь снега!

Автобиографическое повествование

В авторской редакции
Корректор *Е. Лебедева*
Художник *Г. Гордиевских*
Вёрстка макета *А. Гордиевских*

Формат 84x108_{1/32}. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 4. Тираж 500 экз.

Издательство «Сибирская книга».
Тел. 8-914-88-73-880. laptev99@mail.ru

Отпечатано в ОАО «Форвард»,
664009, г. Иркутск, ул. Советская, 109/г. Тел. 21-44-99